

Kalina

ДАРЬЯ КАЛИНИНА

**ДЕЛАЙ ВСЕ
НАОБОРОТ**

СЕКРЕТЫ
ДАМСКОЙ
ОХОТЫ

Сыщицы-любительницы Мариша и Инна

Дарья Калинина

Делай все наоборот

«ЭКСМО»

Калинина Д. А.

Делай все наоборот / Д. А. Калинина — «Эксмо», — (Сыщицы-любительницы Мариша и Инна)

Женская логика – вещь непредсказуемая. Отправившись к Черному морю, Даша и Мариша по дороге передумали и сошли на маленькой станции, решив, что отдых в лесной глуши пойдет им на пользу. И сразу же на подружек напали двое с виду симпатичных парней. Потом они набрали на избушку, где неизвестные бандиты курили гашиш и закапывали в сарае чей-то труп. Скрываясь от этих преступников, подруги попали в такой переплет, что впору утопиться. А спасение утопающих – это, как известно, дело рук самих утопающих, и при этом меньше всего хочется на море...

Дарья Калинина Делай все наоборот

С нарастающим отчаянием мы с Маришей огляделись вокруг себя. Пейзаж, который из окна поезда выглядел так притягательно, при ближайшем рассмотрении сильно нас разочаровал. И зачем, спрашивается, мы выскочили из вагона на этом забытом богом разъезде? Любой другой затруднился бы с ответом, но мне он был хорошо известен. И давно пора бы смириться с тем, что эксцентричная натура моей подруги время от времени требовала выхода, причем времена эти наступали в самый неожиданный для окружающих, в том числе и для меня, момент, и каждый раз я оказывалась совершенно к нему не подготовленной.

Ну и что из того, что под синим небом раскинулось просторное поле, за которым вырисовывалась кучка домиков с белеными стенами и крышами, про которые один из наших попутчиков сказал, будто они крыты соломой. Нельзя же в самом деле быть такими идиотками, чтобы поверить в то, что на рубеже XXI века люди еще кроют крышу соломой. Но, поддавшись соблазну вкусить прелести жизни в дремлющем под жарким солнцем украинском селе, Мариша настояла на том, чтобы мы сошли с поезда. И вот по ее милости и моей слабохарактерности мы и оказались в полной тишине и гордом одиночестве посреди колхозных полей.

Хотя на самом деле все началось еще раньше, когда Мариша решила оставить наш родной и любимый Питер и потребовала, чтобы я ехала вместе с ней.

– Посмотри на себя, – твердила она. – Ты ж тут совершенно завяла. У тебя вид, как у худосочной герани, которую забыли полить.

Меня от ее сравнения кинуло в холодный пот, что в некотором роде было даже приятно. Я вполне разделяла ее стремление покинуть город, так как внезапно в город пришла жара, от которой положительно не было спасения нигде, кроме бассейна или душа. Согласитесь, возможно провести в душе час или даже два, но глупо торчать там несколько дней кряду. Можно еще включить вентилятор, но он тоже проблемы не решал, потому что перегонял с места на место все тот же раскаленный воздух. Тут-то Марише и пришла в голову светлая мысль поехать на юг, потому что там есть море и сидеть в нем намного приятнее, чем у себя в ванне. К сожалению, сходные мысли посетили без малого девять десятых наших земляков. Во всяком случае именно к такому заключению пришла я, увидев, какие толпы собрались в железнодорожных кассах, торгующих билетами на южные направления.

– У меня, конечно, есть деньги, но не так много, чтобы тратиться на самолет, – сокрушенно вздохнула Мариша, печально пристраиваясь в хвост извивающейся очереди и гипнотизируя меня взглядом, призывающим остаться с ней. Воспротивиться – значило бы вступить с Маришей в жаркую перепалку, а я даже подумать об этом не могла в такую погоду.

Когда мы отстояли без малого полтора часа, Мариша вдруг додумалась до того, что можно поручить взять билеты мне. Ей, видите ли, надо срочно посмотреть расписание. Разумеется, стоило мне подойти к окошку кассы, как я услышала:

– На двадцатое в Симферополь билетов нет.

– А плацкартные? А на следующие дни? – робко спросила я.

Ответом мне был презрительный взгляд неимоверно толстой дамы, восседавшей за малюсеньким по сравнению с ней компьютером. Малыш трудолюбиво жужжал и потрескивал, но мест для нас все равно не находилось.

– Есть два места на завтра на Чернигов. Хотите? – прищурилась дама, одарив меня взглядом, не предвещавшим хорошего продолжения беседы в случае моего отказа от столь выгодного и своевременного предложения.

– Давайте, – решила я, не дожидаясь Мариши и уже осознав, что ничего другого нам тут не светит.

Я так же отлично понимала, что при такой духоте совершать ежедневно походы на вокзал вместе со страждущей Маришей в надежде купить горящий билет на вожделенный Симферополь мне будет не под силу. Поэтому Чернигов казался сейчас наилучшим выходом. И мне еще повезло – ведь могли вообще предложить билет в Ташкент или в Душанбе.

– Правильно, – просветлела лицом дама и голосом, полным оптимизма, на мой взгляд ничем не подкрепленного, добавила: – Прекрасный город! Оттуда доберетесь до моря – и никаких проблем.

– Ты сошла с ума, – грустно констатировала Мариша, когда я, оторвав ее от изучения расписания, призналась в содеянном. – Ты же в курсе, со мной в тех краях всегда случаются жуткие вещи. Последний раз, например, я там вышла замуж.

Я поехала – муж у Мариши и в самом деле жуткий. Но делать нечего, обмен билетов исключался. Таким образом мы с Маришей оказались в этом гремящем всеми своими составляющими поезде, который быстро заполнился загорелыми людьми с объемными тюками, издающими густой запах чеснока. В смысле чесноком пахли не тюки, а люди, но уж пахли так, что даже непрехотливой Марише мало не показалось.

По мере продвижения на юг запах усиливался. Его приносили в вагон все новые пассажиры. Да еще все, будто сговорившись, ели сало с луком. Мы с Маришей, обладатели вареной курицы, чувствовали себя неуютно.

В соседи нам досталась пожилая супружеская пара с густым крестьянским загаром на морщинистых лицах и разбитых физической работой руках да трое хиппующих и потому очень грязных парнишек. Хиппующие элементы тоже хотели в Крым, но даже сходство наших желаний не подвигло Маришу на сближение с ними. В этом вопросе я проявила полную с ней солидарность, потому что воняло от них так, что даже духовитый чеснок блекнул по сравнению с ароматом их молодых тел.

Я с самого начала смирилась со своей участью и скромно забилась в уголок возле окошка, из которого хоть немного тянуло свежим воздухом, но Мариша по натуре была бойцом и так просто не сдавалась. Для начала она развернула перед ближайшими пассажирами широкую пропаганду жевательной резинки, придающей ослепительную белизну не только натуральным зубам, но и протезам, у кого они есть. В качестве рекламного образца она предложила всем попробовать по квадратику резинки сразу после обеда. Но это сработало только на один раз, потом они вежливо, но твердо отказывались. А как подступиться к трем душистым мальчуганам, Мариша просто не представляла. И тут один из мальчиков решил немного поухаживать за Маришей. Запах его носков не перешиб бы никакой французский парфюм. Мариша кидала на меня страдающие взгляды, умоляя о помощи, но я ожесточила свое сердце и хранила нейтралитет. Ничто сейчас не могло бы вынудить меня влиться в их компанию. У Мариши же иного выхода не было. Может, поэтому она с такой тоской смотрела на пробегающие за окнами деревушки и вольные леса.

– Думаешь, дальше будет еще хуже? – спрашивала Мариша с завидной регулярностью, каждый раз надеясь услышать от меня заверения в обратном.

– Конечно, – безжалостно разочаровывала я ее. – Дальше будет хуже, потому что время идет, а чище они не становятся.

В середине второго дня нашего пути, когда мы дошли уже до состояния, близкого к помешательству, поезд остановился среди полей и Марише пришла вдруг в голову мысль. Причем мысль эта предвещала мне многие беды. Я поняла это сразу по разгоревшемуся в Маришиних глазах огню безумия.

– Я тут подумала, – заявила она таким тоном, словно это было величайшее откровение, – что нас никто не держит в этом вонючем вагоне насильно. Жалкие гроши, которые мы заплатили за билет? Плевать на них. Никто не в состоянии остановить нас, если мы пожелаем пожить в любом уединенном месте, виднеющемся в окне, купаться в речке, протекающей через вся-

кую уважающую себя деревеньку, пить парное молоко и есть свежие яйца прямо из-под курочек. Мы, может, даже приохотимся к столь любимому в здешних краях салу. Жить будем в чистенькой мазанке, где на стенах развешаны гирлянды блестящих стручков жгучего красного перца, пучки сухих душистых трав и медная посуда. А в глубоком ларе будут лежать початки спелой кукурузы, из которых пухленькая и добродушная старушка – наша хозяйка – каждый день варит мамалыгу на печке, а печка вынесена в летнюю кухню. В хлеву будет мычать пестрая корова, требуя, чтобы ее подоили, а потом приготовили из ее молока сливки, творог и сметану. А в саду будут сгибаться под тяжестью налитых абрикосов, крупных вишен и черешен ветви деревьев. А кроме того, поле за деревней будет благоухать маттиолами, распространяя по округе дурманящий, навевающий сладкие сны аромат.

Не жизнь, а мечта. Я поддалась магии ее голоса и размякла. Видя это, Мариша тут же принялась деятельно претворять свои грезы в реальность. Она сгрэбла мою пластмассовую термостойкую кружку и складной нож с костяной рукояткой в свой красивый рюкзак из натуральной телячьей кожи и метнулась к выходу. Так как по пути она схватила и мой рюкзак, то мне не оставалось ничего другого, как бежать за ней следом, на ходу умоляя одуматься. Но никакие просьбы не помогли. Отпихнув заспанную проводницу, Мариша спрыгнула на камни насыпи, я скатилась следом за ней, и почти в ту же минуту поезд вздрогнул и тронулся дальше, а мы остались валяться в придорожных кустах.

На практике все оказалось совсем не так, как представлялось Марише. Во-первых, до вожденной деревушки было далековато, и прямой путь пролегал по полям, на которых росли отнюдь не живописные цветы, а банальная картошка. Прыгать по грядкам под палящим солнцем навстречу своей мечте?

– Нет, – сказала Мариша. – Мы пойдем другим путем.

– Догадываюсь, каким именно, – уныло промямлила я, кивая в сторону.

В нескольких сотнях метров железнодорожные пути пересекала асфальтированная дорога, по которой Мариша и предполагала добраться до симпатичной старушки с личным хозяйством, в котором обязательно мычит корова и гогочут добродушные гуси, что уже само по себе было из области детских сказок.

Когда мы доплелись до дороги, то дружно уверили друг друга, что выбрали далеко не самое удачное время и место для пешей прогулки. Пыль, поднимаемая нашими легкими кожаными босоножками, лезла в нос тонким облачком, обвивая голые ноги. Мариша вырядилась в шифоновый сарафан и отправилась в путь без шляпы. На мне – трикотажная майка и шорты, но шляпа опять-таки отсутствовала. Плечи и голову откровенно пекло. Во рту вскоре пересохло, и я с тоской вспоминала казавшуюся прежде такой отвратительной теплую воду с привкусом железа из вагонного титана. Левое плечо ныло от тяжести рюкзака, в который я перед отправкой в путь сложила только самые необходимые вещи, но и их набралось немало. Мариша перекинула лямки на другую сторону, я проделала то же самое, но тогда заныло уже правое плечо. А когда я распределила тяжесть груза на оба плеча, заболела спина. Вдобавок в открытые босоножки набились мелкие камешки, более крупные норовили подкатиться под ноги, и им это всякий раз удавалось, а я подворачивала щиколотку и падала на Маришу, которая и сама еле держалась на ногах. Хваленая австрийская антистрессовая подошва явно не справлялась со своими задачами, потому что приближение этого самого стресса я чувствовала все отчетливее.

Стало совершенно ясно, что идея проделать весь путь на своих двоих потерпела фиаско. Надо было искать попутку. Выбравшись на асфальт, измученная и злая на всяческих Мариш и вообще всех на свете, включая самое себя, я посмотрела в обе стороны. Над дорогой дрожало прозрачное марево, стрекотали цикады, но она была совершенно пустынна. Мариша уселась на свой рюкзак, откровенно наплевав на то, что он ручной работы, обошелся ей в целое состояние и служил верой и правдой уже несколько лет, и приготовилась ждать.

Это она умела, но не любила. Я тоже умела и точно так же не любила. Однако, когда среди ваших друзей много поклонников мужского пола, поневоле тренируешь выдержку. Потому что они вечно динамят со звонками и встречами, умудряются опаздывать даже на торжественные приемы, куда сами же настойчиво вас и приглашали. Приходилось их ждать, но никогда и никого я не ждала с таким нетерпением, как сейчас. Самый красивый и богатый поклонник не смог бы похвастать тем, что ради него я выходила на середину дороги и поднималась на цыпочки, стремясь разглядеть вдали его одинокий силуэт.

Наконец среди дрожащего воздуха и самозабвенного пения кузнечиков раздался звук работающего мотора. И вскоре на шоссе появился трактор. Отдохнувшая Мариша усиленно замахала руками, призывая его остановиться, а я даже подпрыгнула пару раз для вящей убедительности. Трактор остановился, но тракторист не выключил мотор. Поэтому разговор велся на повышенных тонах.

– Подвезете нас до деревни?! – кричала Мариша, возбужденно махая руками в сторону приглянувшихся домиков.

– До какой? – с непередаваемой интонацией удивился тракторист.

– За дуру меня держит! – разозлившись, сказала вспыльчивая Мариша и свирепо прокричала трактористу: – Вот до той!

– Та то не село, то хряки там. А ты, я бачу, не тутешная? А подружка тоже? Так я буду обратно ехать и возьму вас до своей хаты.

– Спасибо, – поблагодарила его я вместо Мариши, сломленной утратой своей мечты.

– Та, пустое.

После этого мужик тронул с места свою машину и уехал. Сзади у него был пустой прицеп, явно предназначавшийся для перевозки свиного поголовья, а то и еще чего похуже. Я немного ужаснулась при мысли о том, как мы будем выглядеть, вылезая из трактора, груженного свиньями, и быстро пошла в сторону, противоположную удаляющемуся трактору. Мариша вприпрыжку пустилась за мной. Через какие-нибудь полчаса мы уже стояли на перекрестке и выглядывали машину, которую трудно было бы назвать попутной, так как Марише, в сущности, было все равно, в какую сторону ехать, мне тоже. А стало быть, годилась любая. Но пока попался только маленький «жигуленок», под завязку забитый детьми и их родителями, да старенький грузовичок с теткой-агрономом, объезжавшей поля и потому взять нас с собой не пожелавшей.

Вдалеке уже раздавался треск возвращающегося трактора со всеми вытекающими последствиями, когда к нам подкатила синяя «Ауди» не первой молодости, покрытая плотным слоем пыли. За рулем сидел субъект с блестящей загорелой лысиной, окруженной венчиком пепельных, коротко стриженных волос, и зелеными лукавыми глазами. Субъект плотоядно улыбался.

– Садитесь, подвезу, – пригласил он нас с Маришей, распахивая дверь.

Садиться к нему было по меньшей мере безрассудно, так как он был в обществе друга, выглядевшего законченным уголовником, но в этот момент Мариша разглядела, чем именно загружен кузов нашего знакомого трактора, и все сомнения сразу развеялись. Мы споро запрыгнули в машину, вдобавок почувствовав даже прилив благодарности к водителю.

– Познакомимся? – предложил загорелый. – Я чувствую, нам теперь долго быть вместе, поэтому лучше познакомиться сразу же.

Мариша назвалась Аглаей, представила меня, нервно оглядывающуюся через плечо, и умолкла.

– Ты кого-то опасаясь? – поинтересовался наш водила, кладя руку на рычаг переключения скоростей.

Мне показалось, что если я сразу же признаюсь в том, что опасаясь появления трактора с навозом, то это не в лучшую сторону повлияет на мой образ, который уже начал формироваться в головах новых знакомых. Поэтому я ничего не ответила, а только улыбнулась и стрельнула в

водителя глазками. Могла особенно и не стараться, все равно Маришино присутствие должно было свести на нет все мои усилия.

– Кстати, мы с вами еще не до конца познакомились, – намекнула она.

– Что ты имеешь в виду? – с легкой надеждой в голосе спросил товарищ водителя.

– Вы сами еще не представились.

– А, – разочарованно вздохнул тот, – я Сергей, а это Игорь.

Тут разговор плавно перешел на Игоря, который начал с жалоб.

– Еду куда глаза глядят, – поведал он. – Устал как собака. С утра на работу, домой возвращаюсь затемно, обеда нет, ремонт не доделан, потому как времени не хватает, везде мешки с цементом и штабеля кафеля. Устал я и решил слинять на пару неделек к югу. Пошли они все к черту.

– Издалека едешь? – спросила Мариша, чтобы хоть что-то спросить, потому что ей было до фени, откуда он едет.

– Из Питера, – равнодушно сказал Игорь.

– Что?! – поразила Мариша. – И ты тоже?

– И где же ты там живешь?

– На Новаторов.

– Какой ужас, – совершенно упавшим голосом произнес Игорь. – Едешь за тридевять земель, чтоб только не видеть этих людей и хоть немного сменить обстановку, и в голом поле, в добрых пятидесяти километрах от мало-мальски приличной трассы, встречаешь девушку, которая, оказывается, живет на соседней улице.

Он явно расстроился этим обстоятельством, и мне показалось, что Мариша несколько поутратила в его глазах свои позиции, и вообще он склонен выставить нас обратно на дорогу. Во всяком случае, теперь он подчеркнуто обращался только ко мне, предварительно убедившись, что я из другого района. Жила-то я в том же районе, но уж больно не хотелось топтать пешком.

– Но учти, – сказал он мне, – раз уж мы едем вместе и это моя машина, то направление выбираю я. А ты можешь пока прикурить мне и себе по сигарете. Они там, в «бардачке».

В «бардачке», помимо синей пачки «Пэлл-Мэлл», лежали еще сотовый телефон, женский платок, женские колготки, щетка для волос, Игорю явно не нужная, и упаковка противозачаточных таблеток.

Машина, несмотря на внешнюю непрезентабельность, летела словно птица. Спидометр откровенно не работал, потому что на скорости 60 километров в час столбы за стеклами так не мелькают. На поворотах Мариша закрывала глаза и старалась по возможности подольше не открывать их, а я принималась горестно подвывать от страха.

– Прикурила сигарету? – раздался над самым ухом голос Игоря.

Я разлепила веки и пролепетала:

– Можно попросить тебя об одной вещи? Сбрось немного скорость.

– Да ты что? Как черепахам, что ли, ползти? У меня дел полно. Мы же так никуда не успеем.

– А мы никуда особо и не торопимся, – сообщила ему Мариша.

В ответ Игорь прибавил скорости. Теперь нас всех кидало из стороны в сторону, и я не знала, за что уцепиться. Все казалось одинаково ненадежным. Одному Игорю все было по барабану, он держался за руль и явно чувствовал себя великолепно. После особо крутого виража Мариша завопила:

– А ну-ка, останови быстро, а то мне что-то нехорошо!

Игорь послушно остановил свою тачку и озабоченно уставился на Маришу.

– Я пойду подышу свежим воздухом, – прошептала подруга и на подгибающихся ногах вышла из машины.

Я позавидовала ей, потому что мои ноги вообще отказывались меня слушаться.

– Я посмотрю, чтобы с ней все было в порядке, – сказал Сергей и ушел, а Игорь внимательно уставился на меня.

Визуальный осмотр не удовлетворил его. Он приблизился ко мне вплотную и принялся жадно целовать. Это было настолько неожиданно, что в первый момент я не поняла, что стряслось, потом подумала, что это очень даже приятно, и лишь потом вспомнила, что порядочные девушки не позволяют целовать себя посреди дороги четверть часа спустя после знакомства. Тогда я попыталась вырваться из его рук, что было очень непросто, так как делать этого решительно не хотелось, а хотелось, наоборот, задержаться подольше. Но тем не менее немислимым усилием воли я все-таки заставила себя предпринять несколько попыток освободиться. В итоге я почувствовала, что вся дрожу, но не могла сообразить, от чего дрожу: от негодования или от страсти.

Губы Игоря приникли к моим губам, и его бесстыжий горячий язык принялся очень активно обследовать мой рот. А руки его поглаживали мое тело, и тонкая ткань майки служила лишь самой иллюзорной преградой между этими руками и мной. Самое страшное, что, когда он придвинулся ко мне поближе, я поняла, что все происходящее не просто нравится мне, а просто безумно нравится, а такого быть не должно, все-таки я девушка порядочная и знаю толк в хороших манерах. Поэтому, когда Игорь на минуту оторвался от меня, чтобы перевести дыхание, я оттолкнула его и бросилась в бега.

Выскочив из машины, увидела голую спину Мариши, мчавшейся к зарослям кукурузы так, словно за ней гнались толпы чертей, а не один стриженный под бокс представитель этого племени. Рюкзак бил ее по спине, но она не обращала на него внимания, равно как и я на то, что Игорь кричал мне вслед. Кажется, он предлагал нам вернуться. Я решила не проявлять самостоятельности и по примеру Мариши тоже кинулась в заросли. Там я затихла из-за опасения погони, а потом совсем рядом услышала шум ломаемой кукурузы и увидела возбужденную и запыхавшуюся Маришу. Не успели мы порадоваться встрече, как снова зашумела кукуруза, и мы поняли, что за нами погоня. Плохо соображая, что делаем, мы метнулись в сторону. Возвращаться обратно после позорного бегства было бы ниже нашего достоинства, и, хотя блага, которые сулили нам преследователи, позволили бы прожить остаток жизни безбедно, мы не поддались.

Наш план собственного спасения был прост. Нам надо переждать лишь самую малость до того момента, когда наши преследователи уймутся, а потом выбраться на дорогу. На свой счет я не обнадеживалась, ни один мужик не стал бы гоняться за мной по кукурузе больше двадцати минут. Мариша ценила себя дороже, но и она не настаивала больше чем на сорока минутах. Но призывные вопли наших поклонников не стихали подозрительно долго, и мы вынуждены были уходить все дальше и дальше в глубь поля, пока наконец не поняли, что все сроки прошли и пора выбираться. Конечно, к этому моменту ни одна из нас не представляла, в какой стороне дорога.

– Уверяю тебя, что последний раз слышала шум вон там, – настойчиво твердила Мариша.

Я послушно проследила за направлением ее руки, но ничего, кроме зеленых стеблей кукурузы, не обнаружила. Кричать караул нам не позволяла Маришина гордость. А к тому моменту, когда гордость сочла нужным заткнуться, мы уже углубились в заросли настолько, что кричи не кричи, никто не услышит. Единственное утешение было в том, что от голода мы не умрем. Повсюду на стеблях висели толстенькие початки, наполненные сладкими зернами кукурузы. Мариша сорвала приглянувшийся початок, присела на землю, вонзила в него зубки и сказала, что скоро вечер, а темнеет тут быстро.

– Я где-то читала, – поделилась она со мной своими знаниями, которые пребывают у нее в некотором хаосе, – что поля в отдельных районах Украины занимают такое пространство,

что по ним можно идти целый день и все равно никуда не выйти. А день-то уже прошел, скоро вечер.

На самом деле до темноты было еще далеко, но Мариша не хотела рисковать и старательно впадала в истерику. Она завывала все громче и громче, а я тем временем старательно припоминала, что видела из окна машины. Мне смутно вспоминалось, что солнце светило мне прямо в лицо, когда я пыталась рассмотреть вдалеке скопление белых каменных строений. Это вполне могла быть какая-нибудь очередная ферма, но сейчас и ферма казалась предпочтительней, чем кукурузные джунгли. Там все-таки должны быть люди. Тут же я почувствовала себя неуютно, очень некстати вспомнила книгу Кинга «Дети кукурузы», и мне стало совсем неуютно.

А прогноз Мариши оправдывался, вечерело и впрямь быстро. К этому времени рыдания Мариши разжалобили меня настолько, что я простила ей все выходки, присела рядом и пообещала не бросать до самого конца. Она затихла, а я открыла рот, чтобы зареветь, как вдруг вдалеке завывала и залаяла собака. Верней, лаяла она, должно быть, давно, но только сейчас мы услышали. Раньше вытье заглушала Мариша.

Я подавила растущий восторг и желание закричать, вызывая о помощи, встала так, чтобы садящееся солнце было чуть справа, и мы двинулись на собачий вой. Шли долго, спотыкаясь о стебли кукурузы и раздвигая листья, с которых на нас сыпались сухие остовы насекомых и пыльца. Солнце хоть неторопливо, но уже давно село в тучи, наступили и прошли сумерки, а мы все еще брели по полю, последними словами ругая себя за все глупости, которые успели совершить за сегодняшний день.

По небу поползли тучи, и поднялся ветер. Совсем стемнело, но звезд на хваленое своей прозрачностью украинском небе почему-то не было. Впереди продолжала завывать собака. Я с удовольствием выбрала бы себе иной ориентир, но ничего более подходящего не попадалось. Мариша готова была горько зарыдать и поминутно делала попытки готовить себе и мне лежбище, заливая кукурузные листья потоками слез, когда, раздраженно отпихнув от щеки очередной стебель, я увидела впереди тусклый огонек.

– Мариша! – возликовала я. – Не реви, мы выбрались.

В нескольких шагах от нас стоял одноэтажный кирпичный дом. В пригородных садоводствах Питера такие домики строятся из досок, бревен и любого подручного материала. Здесь все заменял кирпич. Стоял дом на каких-то десяти сотках, и вокруг, на других сотках, стояло еще несколько таких же домиков, из того же белого кирпича. Но ни в одном из них не горел свет, что для этого времени суток было странно. Светилось только окошко хлипкого деревянного сарайчика, притулившегося к крайнему дому. Возле сарайчика стояло дерево, которое Мариша в потемках приняла сначала за яблоню, потом за грушу, оказавшееся конским каштаном. Кроме него, тут рос ужасно густой кустарник, который, похоже, никто не культивировал, и он рос тут сам по себе. Плодовые деревья были такими крохотными, что я их сначала и не признала. Похоже, что садовое хозяйство, куда мы попали, было совсем новым, и в домах либо никто не жил, либо в них еще не провели свет. Первое могло плавно вытекать из второго.

Строительство и отделка внутренних помещений были еще далеко не закончены, на что указывали стелившийся над участком мощный запах растворителя и общая неблагоустроенность участка.

Грациозно лавируя между чахлыми прутиками яблонек-малюток, колючими зарослями неприхотливой малины, порой невзначай наступая на редкие и заросшие бурьяном грядки с чем-то непонятным, давя бешеные огурцы, которые взрывались у нас под ногами словно гранаты, и топчась, как дикие газели, по полянкам с петрушкой и прочей зеленью, мы с Маришей все-таки добрались до сарайчика. Но, наученные сегодняшним беспокойным днем, мы не стали сразу же ломиться в дверь с криками о помощи, а предварительно и очень осторожно

заглянули в окошко. И, как оказалось, очень правильно сделали, потому что внутри мы были бы точно некстати.

По верстакам были разбросаны пустые одноразовые шприцы и иглы для инъекций в упаковке и без, а также вата в количестве, способном обеспечить небольшую сельскую больницу на целую неделю работы. Тут же стояла газовая плита с подсоединенным к ней пузатым красным баллоном, на которой в кастрюле с облупившейся эмалью кипело варево, не имеющее ничего общего с борщом. По полу были рассыпаны полиэтиленовые пакеты с высушенной травой, часть которой явно и варилась в кастрюле на предмет последующего выпаривания, очищения и введения в кровь содержащихся в ней алкалоидов.

Обладателями всего этого добра оказались трое парней, которые в данный момент были заняты засыпанием ранее выкопанной в земляном полу дыры. Это занятие так увлекло их, что они даже не разговаривали друг с другом. Двигались парни очень вяло, передвигая ноги, словно в густом киселе. Постоянно отвлекались на то, чтобы почесаться и попить воды. Тем не менее дело у них двигалось и скоро было почти закончено.

Двое отправились помешивать свое варево, отжимать и процеживать его, а третий остался заканчивать работу. Завершив ее, он принялся тщательно трамбовать землю, чтобы не осталось следов и свежей земли. Потом навалил на только что ликвидированную яму пустых ящичков и успокоился. Видя, что они почти закруглились, мы начали осторожное отступление.

– Ты понимаешь, куда мы попали? – прошипела Мариша мне в ухо. – Это же наркоманы.

Я и без ее пояснений догадывалась, что стала свидетельницей того, как местные наркоманы маскировали на даче родителей или родственников свою захоронку. Столь тяжкий труд, в общем-то, на редкость ленивые наркоманы могли предпринять только ради своих наркотиков. Наверняка они закопали мешок или несколько мешков с маковой соломкой, собранной по окрестным садам и доставленной сюда, чтобы всю долгую зиму пробавляться ею. А часть этой соломки, предназначенная для употребления в самые ближайшие дни, была распределена по полиэтиленовым пакетам, разбросанным по полу.

Я, конечно, восхитилась предусмотрительностью тройцы, спрятавшей свою заначку от товарищей, родителей и правоохранительных органов. Однако совершенно иные чувства увиденная картина разбудила в душе Мариши. Она откровенно умилилась действиям провидения, приведшего ее столь кружным и длинным путем именно к этому месту и именно в это время. Двух мнений быть не могло. Провидение указывало, нет, оно просто настойчиво требовало, чтобы Мариша немедленно отправилась в местное отделение милиции и поведала там, что довелось ей увидеть.

Причина столь яркого исполнения своего гражданского долга, на который большинство людей предпочло бы наплевать, крылась в глубокой и неискоренимой ненависти Мариши к наркотикам и наркоманам. Именно из-за них она потеряла своего любимого мужчину, а потом еще одного и еще. Так что теперь готова была землю рыть в буквальном смысле, лишь бы удалось ликвидировать этот склад наркотиков.

– Идеально было бы прихватить заодно и трех наркоманов, но для этого нам следовало бы поторопиться. На приготовление своего раствора у них не может уйти больше двух часов, так как, судя по снизившейся интенсивности запаха, растворитель почти целиком выкипел, и теперь им остается не так уж много работы, – со знанием дела рассуждала Мариша.

– Однако я сильно сомневаюсь, что они останутся ночевать в этом неуютном сарае, где нет даже топчанов, когда на дворе чудная теплая ночь, в которую до города прогуляться – одно удовольствие, – попыталась умерить я ее рвение, которое меня пугало не на шутку.

– Мы немедленно идем в город, – конфиденциальным шепотом сообщила мне Мариша.

Так как за сегодняшний день я сильно устала, то не уловила опасности в этом предложении. Поэтому позволила Марише прокрасться к дороге и прокралась сама мимо стены сарайчика, сквозившей щелями, все время замирая от страха, что кому-нибудь из парней некстати

придет в голову мысль глотнуть свежего воздуха и он наткнется на семяющие мимо их порога на цыпочках фигуры и, естественно, поднимет тревогу. Но все обошлось благополучно. Никто не показался из сарайчика, даже когда Мариша привязывала свой шелковый платок к ветке кривой груши и подкатывала пятнистый камень к обочине дороги, а я громко шипела, пытаясь выяснить, какого черта она все это делает.

– Ты что, не соображаешь? – возмутилась моей тупостью Мариша. – Сказки читать надо, про Али-Бабу, например. Как мы найдем дорогу обратно, если мы тут впервые? Надо оставить ориентиры.

Я онемела от ужасного предположения, что нам еще раз суждено сюда вернуться. Зная свою подругу, понимала, что это очень смахивало на правду.

Полагая, что только двух ориентиров, и то оставленных у самого порога, ей вряд ли хватит, чтобы найти в темноте обратную дорогу, она на каждом повороте, слава богу, асфальтированной и широкой дороги оставляла что-нибудь из своего гардероба. Я, окончательно выбитая из колеи и еще не до конца сознающая, во что впутываюсь, тащила сзади, наблюдая за действиями подруги. И ведь мне ничто не мешало потихоньку снять хотя бы часть вещичек Мариши, и тогда фиг бы она нашла обратную дорогу. Мы выглядели бы в глазах милиции взбалмошными истеричками, но этим бы все и ограничилось, а в этом нет состава преступления. Однако я не помешала Марише освободить свой рюкзак от лишней одежды, и в черту города она вступила почти налегке.

Первой человеческой особью, на которую мы наткнулись, оказалась мощная тетка в пестром деревенском платке с огромной плетеной корзиной в руках. Изъяснялась она певучими и мягкими словами, понять значение которых Марише с непривычки удавалось с трудом. Но все-таки она поняла, что идти ей, сердешной, надо долго. Сначала прямо, потом за центром направо, потом после рынка снова направо, где найти загс. Вот в нем-то на втором этаже и будет милиция. И мы с Маришей поспешили туда, при этом по пути она бормотала себе под нос, что если бы ей довелось распоряжаться в этом городе, то поместила бы милицию ближе к моргу, а никак не к загсу. Зачем навевать на молодых лишние сомнения?!

Двери загса были закрыты из-за позднего времени, но на втором этаже горел свет. Мариша задрала голову, что-то сосредоточенно прикидывая, а я присела рядом поразмышлять. Насколько я знаю свою подругу, она теперь не успокоится, пока не доведет дело до конца. Значит, если мне хочется хотя бы часть ночи провести нормально, следует позаботиться о том, чтобы Мариша поскорей добралась до милиции. Самым простым способом было бы покричать снизу, чтобы дежурный впустил ее. Но именно этот способ Марише отчего-то пришелся не по душе, и она отвергла его с таким презрением, что прямо вогнала меня в краску.

Административное здание было сравнительно современным, и никаких карнизов, выступов и балкончиков, удобных для лазания, на его фасаде архитекторы не предусмотрели. Чтобы забраться на второй этаж, надо было обладать атлетическим телосложением и комплектом альпинистского снаряжения, поэтому Мариша потащила меня дальше. В надежде найти какой-нибудь более подходящий для нее способ проникнуть в здание мы обогнули его по периметру и вышли к его тыльной части. Тут был фруктовый сад, засаженный рослыми и на первый взгляд очень крепкими деревьями. Прямо к распахнутому окну второго этажа подходили ветви раскидистой шелковицы.

Увидав их, Мариша подпрыгнула от восторга и вприпрыжку подбежала к дереву, поздравляя меня с удачным разрешением своей проблемы. Забраться на ветвистое дерево было для нее делом пяти минут. Ну, почти пяти минут. На самом деле она оказалась весьма посредственным лазальщиком по деревьям, я не осуждала ее, сказывался недостаток практики, и только. Когда я, пыхтя и потирая ссадины на локтях и коленях, доползла по ветке, оказавшейся на поверку не столь уж и крепкой, до подоконника, руки и ноги у меня дрожали от непривычного напряжения, а Мариша была красной, как помидор. В таком виде она и предстала

перед изумленным взором пожилого седовласого мужчины с объемистым брюшком, который не спеша шел в свой кабинет, нес толстый бутерброд с домашней колбасой и чашкой горячего чая.

«По его виду никак не скажешь, что он рад нашему появлению», – подумала я, но так как отступать было некуда, мы все же сказали ему:

– Здрасьте.

Неожиданное явление Мариши, а вслед за ней и мое, совершенно выбило его из колеи. В ответ он смог только кивнуть, да и то после длительной паузы, за время которой Мариша успела перетаскать внутрь свой похудевший рюкзак, оглядеться и почти совсем освоиться.

– Я к вам по важному делу, до утра ждать не могла, потому как только что приехала, а дверь ваша закрыта. Вот и пришлось воспользоваться окном, – сказала Мариша, полностью уверенная, что после такого пояснения между ними не останется никаких недоразумений.

Дежурный потряс головой, видимо, в надежде, что это всего лишь плод его перегруженного внеурочной работой мозга, но Мариша не растворилась в воздухе, а продолжала стоять и говорить.

– Все началось с того, что тот парень начал неожиданно ко мне приставать. Если бы он хоть намекнул, что у него на уме, я успела бы подготовиться. А так я была совершенно не в форме и побежала в поле, а в вашем садовом товариществе наткнулась на сарайчик, а в нем трое наркоманов зарывали свою мерзкую соломку.

– В моем сарайчике? Но у меня на участке нет никакого сарайчика. Это вовсе не сарайчик, а финский домик, если желаете знать.

– Да при чем тут ваш финский домик, живите где хотите, – рассердилась Мариша. – Речь совсем о другом участке. Может быть, и товарищество совсем другое. Сколько их у вас в городе?

– Пять. Одно от ТЭС, второе от химзавода, третье от кирпичного...

– Вот оно и есть. Там все дома из кирпича. Наверняка с завода натырили.

– Ничего подобного, – в свою очередь рассердился Маришин собеседник. – Завод сам продавал кирпич по себестоимости, у моей тещи тоже дом из такого кирпича. И нечего тут грязные кидать намеки.

«Идиот», – подумала Мариша.

«Склочница», – не остался в долгу милиционер.

Беседа явно потекла не по тому руслу. Еще немного – и дежурный, устав от неприятной собеседницы, выставил бы ее за дверь, но тут произошло самое настоящее чудо. В коридоре раздались шаги и голоса:

– Я тебе говорю, с ними что-то случилось. Не могли же они сидеть на этом поле целых три часа, когда знали, что я жду их на шоссе. Они наверняка заблудились.

Дверь открылась, и на пороге возникли двое мужчин, одним из которых оказался Игорь.

– Вот она! Нашлась! – обрадовался он.

– Химичев, – строго сказал Сергей, который своим подтянутым видом разительно отличался от дежурного, а его бандитская внешность теперь производила впечатление мужественной и благородной, – почему дверь внизу закрыта? Мы еле дозвались Веру Матвеевну, она же глухая совершенно. А если потерпевшие придут, то что им делать? Не у всех же пока дома телефоны есть.

– Вот они же пробрались, – недовольно буркнул толстый Химичев и обиженно надулся.

– А с вами, девушки, особый будет разговор. Вы зачем людей до полусмерти пугаете? Убежали, и ищи вас потом целый вечер. У меня, между прочим, на него были другие виды. Только из-за просьбы старого друга, которого не видел сто лет, я и подписался вас искать. А то плюнул бы – и выкручивайтесь сами.

Я хотела сказать, что мы никого не просили нас искать, тем более портить себе вечер, но потом подумала, что нам как раз и придется сейчас испортить вечер этому, в общем-то, симпатичному, хоть и сердитому начальнику.

– Спасибо вам за заботу, – вежливо поблагодарила Сергея ставшая подозрительно ласковой Мариша.

– Зови меня просто Сережей, раз уж ты в некотором роде знакомая и к тому же еще соседка моего друга. Но только в неофициальной обстановке. Потому как служу я тут всего месяц и много себе позволять пока не могу, – ответил ей Сергей.

– Тогда я бы хотела узнать ваше полное имя, потому что сейчас обстановка перестанет быть неофициальной.

– Никитин Сергей Владимирович – майор милиции, а в чем дело? Хотите подать жалобу на моего друга? Сразу могу предупредить, что рассматривать ее будут очень долго. Может быть, несколько месяцев. Он тут успел соблазнить столько девушек, так что до вас на рассмотрении целая очередь дел.

– Да бог с ним, с вашим другом. Не о нем сейчас речь.

– Слыхал, Игорек? – рассмеялся Никитин. – Это что-то новенькое, впервые слышу, чтобы девушке не было до тебя дела. А о чем же тогда речь?

Мариша сделала таинственное лицо и страшным шепотом произнесла:

– Наркотики.

Все в комнате, включая незаинтересованного Игоря и безмятежного до сей поры Химичева, непроизвольно вздрогнули и напряглись.

– Когда нам удалось выбраться из кукурузы, а случилось это всего каких-нибудь сорок минут назад, хотя, конечно, я столько времени потратила на препирательства с вами, что уже значительно больше. Но дело не в этом.

И тут Мариша ледящим душу голосом рассказала все, что ей удалось подсмотреть. В этот раз у нее получилось значительно лучше, она не допустила прошлой ошибки и не стала валить все в одну кучу, а рассказала подробно и обстоятельно, не касаясь болезненной темы кирпичного завода. Я ее одобрила, городок-то маленький, вдруг окажется, что у Никитина там тоже работает какой-нибудь двоюродный брат или троюродный дедушка. Хлопот потом не оберешься.

Но все прошло удачно, даже удачнее, чем Мариша могла рассчитывать. Никитин куда-то срочно позвонил и строгим тоном велел немедленно прибыть к мосту, где им предписывалось задерживать всех мужчин в возрасте до 25 лет. Мариша вслух поздравила его с удачным решением, но он ее даже не придушил, лишь снисходительно кивнул. Реку нам тоже довелось переходить по мосту, и, насколько я помнила, ни в одну сторону второго моста не предвиделось. Стало быть, если те наркоманы все еще там, они неизбежно попадутся в лапы милиции.

В общем-то, мне этого не очень-то хотелось, потому что никакой пользы они от пребывания в милиции для себя не извлекли, разве что некоторое время просидят под замком и, может быть, за это время отвыкнут от своей вредной привычки. Но надежда на это была весьма слабая. Поэтому меня вполне устроило бы, чтоб просто ликвидировали их тайник, а Мариша вернулась к нормальному отдыху. Я хочу сказать, к относительно нормальному, потому что совсем нормальным ему уже не стать никогда.

Конечно, Мариша напросилась ехать на задержание. Никитин предпочел бы не брать ее, но Игорь тоже вызвался и прихватил Маришу с собой.

– Иначе моя Аглая опять куда-нибудь денется, бегай потом за ней всю ночь, – сказал он, игриво подмигивая Марише.

– Почему ты зовешь меня таким дурацким именем? – чопорно осведомилась Мариша, совершенно забывшая, что при первой встрече сама так назвалась.

– Вот те раз, значит, ты меня обманула? Разве можно тебе после этого верить? Один раз обманула и еще обманешь, – обреченно вздохнул Игорь, залезая в машину.

– Скажите, какой честный, – пробурчала пристыженная Мариша, но Игорь, разочаровавшись в Марише, уже полностью переключил свое внимание на меня.

Вчетвером мы разместились в «Ауди» Игоря и домчались до моста за три минуты. Там все было спокойно. Никитин вылез из машины, и к нему тотчас откуда ни возьмись скользнула крепкая мужская фигура. Обменявшись с ним несколькими словами, фигура снова растворилась в ночи. Сколько я ни таращилась в темноту, но разглядеть засаду не смогла. Переехав через мост, Мариша потребовала остановиться и дальше идти пешком. Ну и правильно, не оставлять же свои вещи висеть до завтрашнего дня на деревьях и вьющемся кустарнике, оплетающем проволочные сетки, которыми огорожены участки.

Игорь, Никитин и, как выяснилось, еще двое оперативников шли за ней и злились на то, что она не могла выбрать менее кружной путь. Оказывается, мы с Маришей плутали по всему садовому товариществу, в то время как существовал прямой путь, который вел от кукурузных полей до самого моста. Но тем не менее мы благополучно добрались до того памятного участка, а Марише удалось даже собрать почти все свое белье. Пропали только кружевные трусики, которых, с одной стороны, ей было жалко, так как они совсем новые, а с другой, она радовалась, что никто из мужчин, ее сопровождавших, их не увидел.

Сарайчик с памятным пестрым камнем и груша, которую очень украшала вишневая косынка, стояли на месте, а вот троих наркоманов уже не было. Остались только следы их пребывания: грязные шприцы, окровавленные куски ваты и покрытая коричневым налетом посуда.

– Придется звать понятых, – сообщил Никитин. – Кто хозяин этого дома – неизвестно, может, какой-нибудь чокнутый садовод припишет нам потом массивированный налет колорадского жука на его драгоценные томаты или пропажу особо редких сортов моркови.

– Сомневаюсь, что этот мифический садовод существует, – поморщилась Мариша. – Не поверю, что у этого участка на данном этапе есть хоть какой заваливающий владелец. Очень уж он запущен.

– Лучше бы все же был, иначе нам чертовски трудно будет вычислить личности наркоманов, о которых нам известно только с ваших слов.

– Вы не болтайте, а выкапывайте. Тогда у вас будут не только мои слова, – посоветовала Мариша.

Как ни странно, к словам ее прислушались. Никитин отправился за лопатами, и вскоре трое парней дружно разбрасывали рыхлую землю в том углу, который указала им Мариша. Игорь добровольно взял на себя роль моего опекуна, и, пока подруга активно помогала милиции, он сидел рядом со мной на верстаке, развлекая своей болтовней и не забывая время от времени отпускать шуточки в адрес копателей, чтобы те не ощущали себя совсем уж обойденными вниманием.

– Есть! – воскликнул Никитин. – Нашли.

Я проигнорировала некоторое изумление, прозвучавшее в его голосе, и подошла поближе.

– Тяжелое, – прохрипел один из парней Никитина. – Не похоже на солому.

Мариша насторожилась, а я вытянула шею как можно дальше. Ребята вытащили свою находку на поверхность и склонились над ней, совершенно закрыв обзор для нас с Маришей. Она попробовала подпрыгнуть, но даже эта крайняя мера не помогла, ей по-прежнему ничего не удалось разглядеть. И тут Никитин протяжно присвистнул.

– Что там? – заволновалась Мариша, но никто ей не ответил.

Наше любопытство достигло апогея, мы были готовы уже завизжать от нетерпения, когда один из парней подвинулся, уступая место. Мариша и я стремительно сунулись в образовав-

шуюся брешь и столь же стремительно пожалели об этом. Зрелище, открывшееся нам, было весьма далеким от привлекательного. Может быть, кому-то и по кайфу глазеть на перепачканные землей трупы, вдобавок испещренные какими-то белесоватыми и на редкость отвратительными язвами, но Мариша себя к числу оных точно не относила. Однако от действительности никуда не поперешь. Перед ними в самом деле лежал труп молодого мужчины.

– Ой, мамочка! – прошептала Мариша и вознамерилась упасть в обморок.

В себя привел ее Игорь. Он изволил гневаться:

– Это что же получается? Что тут происходит? Почему тут валяется полуголый мертвец, и единственный, кто об этом потрудился сообщить в милицию, – это ты? Впредь мне наука, не подбирать на дороге девчонок.

– Я тут совсем ни при чем, – принялась оправдываться Мариша. – У меня и в мыслях не было.

– Вот в этом-то и беда вашей сестры. В мыслях у вас маловато, – буркнул Игорь и умолк.

Но Марише некогда было обращать внимание на его выкрутасы, потому что Никитин атаковал ее целым градом вопросов, из которых Мариша заключила, что самое меньшее, в чем ее могут обвинить, – это то, что она собственноручно прикончила этого мужчину, а потом приказала своим сообщникам закопать тело в землю. Про меня все почему-то забыли, но не успела я этому удивиться, как последовало продолжение моих сегодняшних горестей.

– Что за чушь! – возмутилась Мариша. – Мы с Дашей просто по времени не успели бы проверить все это.

Тут все посмотрели на меня. Мне же оставалось лишь скромно улыбаться и делать вид, что я тут ни при чем. Мариша продолжала бушевать:

– Сами подумайте, мне нужно было добраться до города, поссориться с нынешним трупом, заручиться поддержкой предполагаемых сообщников. А перед этим еще надо было познакомиться с ним, потому как в этих краях мы впервые и никого тут не знаем.

По лицу Никитина было заметно, что его ничуть не убедили ее доводы, ему все представляется в совсем ином свете, и сама Мариша у него под большим подозрением. Я тоже, но – как существо безответное – все-таки под меньшим. В течение обратного пути Мариша сурово корила меня за то, что ее билет остался у проводницы рядом с другими билетами, свернутый в несколько раз и упакованный в синий кармашек, и теперь у нас нет никаких доказательств того, когда же мы на самом деле прибыли. Оказывается, я должна была успеть его забрать. Потом она страдала оттого, что поддавалась моим бредням и вышла на этом проклятом разъезде. И зачем она вообще предприняла рискованную вылазку из родного дома в моем обществе. Снисходя к ее состоянию, я не стала драться, а лишь мягко указала на некоторое несоответствие ее обвинений с действительностью.

Остаток ночи ничем хорошим ни Маришу, ни меня не порадовал. Нас отвезли в отделение, отобрали паспорта и учинили форменный допрос. К этому моменту Мариша пребывала в глубоком отчаянии и от страха позабыла даже то небольшое, что знала. Количество наркоманов из похоронной бригады у нее поминутно менялось, колеблясь от двух до пяти, если считать вместе с трупом. С приметами тоже дело обстояло из рук вон плохо. Тут я, правда, многое могла порассказать, у меня отличная зрительная память на лица, но я так разозлилась на то, что моим словам нет веры, что не потрудилась ее напрячь. С каждым пролетающим мгновением Никитин становился все более мрачным. Наконец он не выдержал и вышел. Допрос продолжил симпатичный паренек, которому я уже совсем вознамерилась было открыть душу, но тут снова явился Никитин и бодро заявил:

– Сегодня мы уже ничего не успеем, поэтому придется вам погостить в нашем городе. О ночлеге для вас я уже договорился, а с утра продолжим.

Мы с Маришей с трудом верили, что эта речь относится к нам, но пришлось поверить. Выйдя за дверь, сразу же наткнулись на Игоря, который как ни в чем не бывало спросил у меня:

– Ну что, идем?

– Куда это?

– Как куда? Ну ты даешь. Тебе ночевать где-то нужно, поэтому будешь ночевать у меня. Едем!

Не тратя больше времени на разговоры, он подхватил меня под руку и увлек к своей машине. Я вцепилась в Маришу, и та, обалдевшая от всех переживаний, позволила усадить себя на мягкое сиденье и не стала особо возражать против того, чтобы Игорь включил музыку. Передавали заунывную мелодию, под которую двое парней выли дурными голосами. У меня раскалывалась голова, но, несмотря на это, я стала обдумывать план своего дальнейшего поведения.

«Если будет приставать, дам ему в морду и уйду», – решила я, когда мы подъехали именно к такому домику, о котором мы с Маришей мечтали не далее как сегодня утром.

У него были белены стены, кирпичная труба, небольшой метеный дворик и соломенный плетень вокруг него. Во дворе росли подсолнухи и кукуруза, на которую мы с Маришей уже не могли смотреть без содрогания.

– Вот тут ты и будешь жить, – сообщил Игорь, стараясь не замечать Маришу, что было не так уж просто, потому как природа не обидела мою подругу красотой и ростом не обделила. Напрочь не обращая внимания на подчеркнутое стремление Игоря не разговаривать с ней, Мариша спросила:

– А ты? Разве ты живешь в другом месте?

Ничего не отвечая, что выглядело совсем уж по-хамски, Игорь провел нас в маленькую комнатку, где стояли две железные кровати, покрытые кружевными накидками.

– Ничего тут не сломай. Это не мой дом, я только снимаю у хозяйки его часть, поэтому будь осторожнее. Я знаю, ты девочка легкомысленная, потому и предупреждаю.

– Ты уезжаешь? – повторила Мариша свой вопрос, напрочь игнорируя его дурное настроение.

– Я поеду по делам. Не ждите меня, – сухо ответил Игорь, снизойдя наконец до того, чтоб заметить Маришу, и вышел.

– Очень надо тебя ждать, – надувшись, крикнула ему вслед Мариша, а я с изумлением почувствовала, что в самом деле разочарована тем, что Игоря не будет рядом в эту ночь.

«Это просто потому, что боюсь оставаться одна, когда вокруг бродят убийцы», – попыталась уверить я саму себя, в глубине души понимая, что каким бы маленьким ни был городок, в ближайшие часы убийцы вряд ли смогут выяснить, где находится Мариша, чтобы прийти и заткнуть ей рот навеки.

Проснулись мы с Маришей, когда солнце уже припекало вовсю и узорная тень от листвы ложилась на деревянный крашенный пол. Я выглянула в окно, там с недовольным видом ходили пестрые куры, обследуя свою пустую кормушку.

– Сейчас, сейчас, мои хохлатки, – зазвучал рядом добрый старушечий голос. – Вот вам просо, заждались, милые.

И во дворе показалась милая пухленькая старушка с добрыми мягкими щеками и седыми завитками, выбивавшимися из-под кружевной косынки. Одета она была в удобные тапочки, простое платье, на талии – чистый цветастый передник.

– А, проснулась, милая, – заговорила старушка, увидев меня торчащей в окошке, – Игорек мне говорил, что ты поспать охотница, вот и не стала тебя будить. Вставай-ка да подружку свою буди, вас тоже накормлю.

Я послушно натянула легкий сарафан, размышляя над тем, откуда Игорю известно, что я люблю поспать, и почему меня совершенно не радуют сбывающиеся мечты. Разве не о такой жизни мы мечтали с Маришей, сидя в душном поезде и потом, когда слезали на разъезде.

– Подумаешь, труп, – бормотала Мариша, брызгая себе в лицо из ведра и утираясь вышитым полотенцем, по которому важно разгуливали вышитые красные петухи. – Надо наплевать на него и забыть. Нам-то что за дело до какого-то трупа, знать его не знаем. Может, они просто перезахоронили его. Может, родственники против его воли похоронили на кладбище, а он всю жизнь мечтал быть похороненным в этом сарайчике? Вот друзья и постарались.

Я опасливо отодвинулась от нее, и она заткнулась. К концу завтрака, состоящего из галушек и вареников с творогом да деревенских яиц всмятку, Мариша пришла к выводу, что нам ни в коем случае не следует соваться в это дело, так скверно начавшееся. Затем она выскочила из дома и, к своему огромному удивлению, обнаружила, что направляется в сторону моста и садового товарищества.

Добрых два часа у Мариши ушло на то, чтоб тщательно обыскать участок. Ругая себя последними словами за слабохарактерность и неумение держать слово, она исследовала каждую пядь земли. Усилия оказались далеко не бесплодными. Добыча составляла два яблочных огрызка, блестящую пуговицу, клочок овечьей шерсти, обрывок тетрадного листа в клеточку, на котором написаны две цифры – 4 и 7, и тонкая серебряная цепочка, запутавшаяся среди сорняков и которая вполне могла лежать тут уже несколько недель.

Внезапно за ее спиной раздался кашель. Похолодев, Мариша обернулась. Возле зарослей малины стоял Химичев.

– Тебя Никитин все утро хочет, – несколько озадачил он девушку. Мариша даже хотела возмутиться – какое ему, в конце концов, дело, Никитин взрослый человек и в няньках не нуждается! Но Химичев продолжил практически без остановки, не дав ей раскрыть рта: – А что ты тут делаешь?

– Ищу какую-нибудь улику, которая поможет следствию, – бесхитростно объяснила Мариша, подмигивая обоими глазами и делая предельно честное лицо.

Но это не помогло. Химичев доставил ее к Никитину, где уже давно находилась я, и, несмотря на то, что Мариша всю дорогу строила ему глазки и глупо хихикала над его не менее глупыми шуточками, выдал ее с головой, присовокупив от себя:

– Нашел ее возле вчерашнего сарайчика. Битый час за ней наблюдал, пока она чуть ли не носом землю рыла. Явно хотела найти что-то определенное. Слишком настойчиво искала. А правда, что убийц всегда тянет на место преступления?

Я с самого начала его невзлюбила, но сейчас чувствовала, как моя первичная неприязнь перерастает в самую настоящую ненависть. Мариша же лишь громко скрипнула зубами, больше ничем не выдав обуревавшие ее чувства, и сказала, демонстрируя свои находки:

– Предположим, что вчера на месте преступления была драка с покойным и я потеряла какую-то свою вещь, которую сегодня отправилась искать. И что же я нашла такого, что могло бы уличить меня?

Никитин прямо-таки впился взглядом в цепочку, выковырял из нее яблочные огрызки и поднес ее к самому своему носу.

– Ты крещеная? – спросил он у Мариши.

– Да, а при чем тут...

– Крест носишь? – быстро спросил Никитин, даже не дав Марише договорить.

Мариша вздохнула, молча извлекла из-за выреза майки тонкую золотую цепочку и продемонстрировала ему надетый на шею крестик. Похоже, вид ее крестика сильно разочаровал Никитина. Он тяжело вздохнул, окинул до предела облегченный туалет Мариши без единой застежки и сказал:

– Про пуговицу, я думаю, нет смысла спрашивать?

Не дождавшись ответа, он заявил следующее, что с его стороны было настоящим свинством:

– Даша нам все уже рассказала. Правда, верить ей особенно не приходится, слишком много неясностей, но все же кое-что мы от нее узнали. Хотелось бы теперь услышать твое мнение. Вспомнила какие-нибудь приметы твоих наркоманов?

– Во-первых, они не мои, а во-вторых, вспомнила. Один из них, – сказала она, мстительно сверкнув глазами в сторону старательно подслушивающего Химичева, – был невысокий жирдяй с короткой стрижкой под мента. И вдобавок на нем были темные брюки, которые сидели на нем точь-в-точь как на вас, товарищ Химичев. Ужасно плохо сидели, как будто сшиты были на совершенно другого человека.

– За дачу ложных...

– Каждое слово правда, – всерьез обиделась Мариша и замолчала.

– Еще что-нибудь помнишь?

Мариша изобразила лицом сложную гамму чувств. Тут были и желание помочь следствию, и незаслуженная обида, и понятная робость человека, которому не дают высказаться, и согласие помолчать. Чтобы все это изобразить и удержать на месте, пришлось потрудиться, но дело того стоило. Никитин обалдел и судорожно сглотнул, словно кость в горле застряла.

– У второго парня, – продолжила Мариша после внушительной паузы, за время которой у всех появилась возможность обдумать свое положение, и не один раз, – была странная голова. Какая-то вся угловатая и в буграх. Лицо его плохо разглядела, а одет он был в джинсы и рваную майку, давно потерявшую свой первоначальный цвет. А вот третий парень стоял лицом ко мне, поэтому его я опишу. У него был очень высокий лоб и длинное лицо с тяжелым подбородком. Глаза были маленькие, волосы светлые до плеч. Сам он худой и высокий. У него на плече была татуировка, но не синяя, какие делают в тюрьмах, а цветная. Там был изображен извивающийся дракон в компании каких-то иероглифов. Одет в синие джинсы, а рубашка в крупную клетку валялась на верстаке. Можно теперь у вас спросить? Неужели вы не можете найти этих ребят по отпечаткам их пальцев? Если они все наркоманы, то должны были попадаться, так почему бы вам не свериться со своей картотекой?

– Потрясающая мысль, как это мы сами не додумались? – удивился Никитин. – Но дело в том, что из всех в картотеке числится только один – Гриценко. Да и тот пропал из дома уже месяц назад. Родители с тех пор его не видели и знать не знают, где он может находиться.

– А труп? Он чей?

– Тут дело вообще темное. Документов никаких, отпечатки послали в облуправление, а среди пропавших по области человека с такими приметами нет.

– А что с ним сделали? – осторожно спросила Мариша.

– Послушай, – внезапно рассердился Никитин, – а не много ли ты хочешь знать? В общем, так: из города вы не уезжайте, своей подруге передай мою настойчивую рекомендацию лучше выбирать себе друзей, а когда я найду друзей Гриценко, то позову вас обоих на опознание. Хотя сильно сомневаюсь, что они остались в городе. А теперь идите домой и постарайтесь особенно не высовываться.

– Что это значит? – удивилась Мариша. – Мы под арестом?

– Это значит, что убит человек, а ты и твоя подруга единственные, кто видел людей, прячущих его труп. Поэтому они могут убрать и тебя, и ее, если решат, что вы им сильно мешаете.

– А откуда они узнали, что мы их видели? Кто им рассказал? Никто и не узнал бы, если б не моя гражданская совесть. А рассказала я только вам, и, значит, это вы всем тут разболтали, что у вас есть свидетельница и даже две, конспираторы хреновы. Хотите, чтобы мы навечно остались в вашем городишке? Местечко нам на вашем кладбище уже подготовили? Надо же мне было с вами связаться. И почему я не умею держать язык за зубами? – всерьез вознегодовала Мариша.

Сердитая Мариша – это зрелище не для слабонервных.

Поэтому Никитин поторопился реабилитировать себя:

– Никому я не разбалтывал, а все равно, по предыдущему опыту знаю, что удержать что-то в тайне от местных кумушек невозможно. Ты вот, к примеру, думаешь, что вчера мы шли мимо спящих дворов, а на самом деле как минимум три раза нас засекли. Так что свидетелей найдется немало. Живем как в селе, все и про всех все знают.

Мариша и я, не сказать чтоб в хорошем настроении, вышли из отделения и направились к рынку. На нервной почве ужасно хотелось есть. Поэтому Мариша купила у какой-то бабульки литровую банку еще холодных – только из погреба – сливок, а в булочной лавке пышный ноздреватый хлеб, и мы уселись в тени на скамейке. К своему удивлению, мы лихо расправились с едой, не оставив ни крошечки и ни капельки. Как раз когда Мариша, зажмурив от удовольствия глаза, облизывала края банки, перед нами возникла мужская обувь 45-го размера.

– Можно рядом с вами присоседиться? – спросил их обладатель почему-то именно у Мариши, которая всецело была поглощена своей банкой и поэтому не сразу сообразила, что стоит ответить.

Я же непроизвольно вздрогнула от самой постановки вопроса и подняла глаза. Перед нами возвышался ярчайший представитель местной молодежи. В этом убеждали домашние тапочки и сильный акцент. Так как из достопримечательностей в городе были только три завода и ТЭС, то наплыва туристов тут не должно было наблюдаться. Стало быть, парень либо местный и должен всех знать – ведь городская школа была в единственном экземпляре, так что все окрестное подрастающее поколение училось в ней, – либо приехал в гости к родственникам, а стало быть, тоже мог быть полезен. Ну, и просто был он парень симпатичный и терпеливый, потому что, пока Мариша размышляла (и надо сказать, долго размышляла), он стоял возле нее с участливым выражением на лице, с которым обычно смотрят на пострадавших.

При всем при этом выглядел парень потрясающе красивым. Густые длинные волосы, собранные сзади в хвост, тонкие черные брови вразлет над ослепительно голубыми глазами и чувственный рот с полным комплектом ровных зубов. Поэтому Мариша наконец милостиво кивнула ему, и парень присел, сказав:

– Леший.

– Что? – вздрогнула Мариша. – Где?

– Я – Леший. Меня все так зовут. Вы откуда?

– Издалека.

– Какая загадочность, – воодушевился Леший. – А что, незнакомка, не согласишься ли ты сходить со мной сегодня на дискотеку? Мы там играем.

Мариша изобразила на лице легкую заинтересованность, и Леший охотно поделился с ней подробностями. Он играл в рок-группе, и так как это был единственный молодежный ансамбль в округе, то их звали на все свадьбы, дискотеки и прочие мероприятия, где требовалась музыка. Только на похоронах играл духовой оркестр пенсионеров. Леший был самым что ни на есть местным, родился и вырос здесь, к тому же пользовался популярностью, поэтому идеально подходил для внедрения в местное общество. Лично я с удовольствием в него и не внедрялась бы, но, похоже, жить нам тут придется не один день, так что надо с кем-то общаться. Не ограничивать же круг общения подлецом Игорем да занудой Никитиным. Кроме того, вчера под утро Мариша произнесла следующую речь, которую я с радостью приписала бы своему временному помешательству, если бы не знала, увы, слишком хорошо, свою подругу. Она изрекла приблизительно следующее:

– Неразумно просто сидеть и ждать, пока Никитин сообразит найти убийцу. Поэтому дело спасения нас с тобой беру в свои же собственные руки. Никто не будет стараться ради моего спасения так, как я сама. Поэтому мы с тобой займемся расследованием убийства. И чем скорей, тем лучше. Для этого нам нужно будет познакомиться с местными ребятами и поспросать у них в неофициальной, так сказать, обстановке про тех трех придурков.

Мне ее «так сказать» очень не понравилось. Но я решила тогда не спорить, дабы не подливать масла в огонь, надеясь, что, может быть, назавтра она уже выбросит из головы свою безумную идею. Честно говоря, смешно было на это надеяться, но все же. Как теперь выяснилось, совершенно напрасно. А ведь перед завтраком она почти оставила свою затею, черт бы побрал этого Никитина с его предсказаниями. Тоже мне, Сивилла новоявленная!

– Нам здорово повезло с этим музыкантом. Придем на дискотеку, а он уже там и со всеми в контакте, – как раз горячо убеждала меня Мариша, бредя пешком домой, когда мимо нас пролетела на огромной скорости наша знакомая «Ауди».

В машине явно сидело два человека.

– Может, это его друг, просто у друга такая прическа, – утешила меня Мариша. – Не обязаны же все мужчины иметь короткие стрижки. Кто-то может ходить и с длинными кудрями. Наш новый приятель тому пример. Может, у них в городе лучшая часть мужчин носит длинные патлы.

– Не старайся, – мрачно буркнула я. – Видели мы достаточно граждан этого города и что-то не заметили среди них подавляющего числа длинноволосых парней. Леший был исключением. И в любом случае мне до Игоря нет ни малейшего дела.

Но первое, что увидели мы с Маришей во дворе ставшего временно нашим дома, была «Ауди». Мариша на цыпочках прокралась к окнам и заглянула внутрь, на ее лице отразился живейший интерес. Потом она жестом пригласила меня подойти, и, внутренне замирая, я подбралась и заглянула – в комнате никого не было. Я испепелила Маришу взглядом, но настойчивости ей было не занимать, поэтому она прокралась ко второму окну, встала на треногую табуретку, что очень кстати оказалась тут, и заглянула в него тоже.

– Что ты тут высматриваешь?

Мариша вздрогнула от неожиданности и покачнулась на табуретке, чуть не свалившись с нее. Рядом стоял неведомо откуда взявшийся Игорь и злорадно улыбался.

– Ты опасная девочка, от тебя не знаешь чего ждать, – констатировал он то, что для меня уже давно не было новостью. – Чего ты опять придумала? И зачем впутываешь в свои делишки Дашу?

– Тебе-то что? Катайся со своими лахудрами хоть всю ночь! – рявкнула раздосадованная Мариша.

– Да я ее только до дома подвез, – сказал Игорь, обращаясь почему-то ко мне.

– Сначала из дома, а потом до дома, – чудом сохраняя равновесие, сварливо проговорила Мариша.

– Ты что, ревнуешь? – удивился Игорь.

От такого предположения у Мариши перехватило дух, и она опасно покачнулась. Игорь моментально оказался рядом и поддержал ее.

– Ты что, с ума сошел? – со всем возможным в данной ситуации достоинством проговорила Мариша. – Я про тебя вообще не вспомнила бы, если б Даша не расстроилась, увидев тебя десять минут назад с этой шваброй. Уверена, она готова сказать тебе пару слов.

Единственное, чего мне сейчас хотелось, – чтоб это трепло все-таки грохнулась с табуретки и заткнулась наконец.

– Значит, мы в ссоре? – обрадовался Игорь. – Вот и хорошо, потому что сегодня вечером я буду опять занят. Намечается небольшая дискотека. Мог бы и вас, девочки, взять с собой, но вы себя плохо ведете и обижаете моих подруг.

– Не трудись, нас уже пригласили, – гордо сообщила Мариша, и я согласно кивнула, в глубине души благословляя нынешнюю встречу с Лешим.

Игорь заметно заволновался и, вместо того чтобы уехать, поспешил в дом следом за нами, величественно удаляющимися.

– Кто это вас пригласил? – начал он так, словно был единственным мужчиной на много километров вокруг. – Я имею право знать, потому что мне поручено следить за вашей безопасностью. А то мне вовсе не улыбается снова выкапывать трупы, среди которых, возможно, будет обнаружен и твой.

При этом он явно не сомневался, что так и станет, но было не похоже, чтобы эта перспектива сильно его огорчала.

– Тебе поручено, ты и следи. А мы облегчать твою задачу и сидеть в четырех стенах, пока ты проституток на машине раскатываешь, не собираемся.

До вечера Игорь предпринял еще несколько попыток вразумить Маришу и меня остаться дома, но мы были неумолимы. Стемнело рано, и Мариша с тоской в голосе завела речь о том, что нам придется тащиться мимо плохо освещенных дворов, заросших густыми кустами, а в них нас может поджидать все, что угодно. Не прибавляло хорошего настроения и кладбище, располагавшееся справа от дороги, мимо которого Марише неизбежно пришлось бы пройти.

– Как ты думаешь, – спрашивала она меня, впрочем, без особой надежды, – у них в городе есть такси? Ужасно не хочется, чтобы этот Игорь оказался прав. Просто-напросто не хочу, чтобы он произносил на моей могиле прочувствованную речь, в которой несколько раз повторил бы, что он предупреждал нас, а мы, дурочки такие, его не послушали.

Я заметила, что ей, скорей всего, тогда уже будет все равно, так что не стоит слишком беспокоиться об этом. Но почему-то мои слова не успокоили ее. С этими далеко не радостными мыслями Мариша приводила себя в порядок перед дискотеккой. Это надо было видеть. Она напялила на себя свое самое открытое платье из черного жатого шелка, которое открывало значительные площади ее тела, а те, что не удавалось просто показать, соблазнительно подчеркивало, и черные бархатные туфли на высоченных каблуках, которые благодаря хорошей колодке очень эффектно подчеркивали подъем ноги, но для дальних забегов они были абсолютное не то. На каждой руке ее было надето по два браслета из перламутра. На лицо Мариша нанесла ровно столько косметики, чтобы, как она уверяла, выделяться в темноте, но не удариться в дурной вкус. На мой взгляд, это утверждение было весьма спорным, но я молчала. Волосы у Мариши от природы вились колечками и были ровного золотистого цвета, а сейчас они еще и приятно пахли какими-то травами, которые дала ей добросердечная хозяйка. Я пыталась одеться более практично, но Мариша пришла в ужас.

– Ты что, хочешь погубить все дело? – завопила она, увидев, как я напяливаю джинсы. – Мы должны познакомиться за сегодняшний вечер со всеми ребятами, которые хоть отдаленно смахивают на наркоманов или вообще на что-нибудь. А для этого твой прикид не годится. Надо, чтобы у них просто челюсти отваливались... Сейчас я тебя одену.

В результате, когда мы появились на крыльце, Игорь, как раз заводивший машину и собирающийся ехать, застыл на месте. Его словно током ударило, он открыл рот, вытаращил свои и без того навывкате глаза и молчал. Видя, что дальше тупого хлопания ресницами дело у него не идет, Мариша занесла ногу над первой ступенькой. В мгновение ока Игорек оказался рядом с ней и влюбленно уставился на ее колени и вырез платья. Для этого ему потребовалось значительно напрячь лицевые мышцы, а глаза его вообще поехали в разные стороны. Теперь он выглядел не таким самоуверенным, как раньше.

Игорь предупредительно распахнул перед ней дверь и дождался, пока она устроится на сиденье. Потом кинулся ко мне, и процедура повторилась. По пути к школе, где в бывшем актовом зале и должна была состояться дискотека, он весело болтал, отвешивал Марише и мне комплименты, а в промежутках бросал на нас горячие, становившиеся все более откровенными взгляды, отчего у меня становилось жарко внутри и я боялась не совладать с собой. Я уже готова была придвинуться поближе к Игорю, чтобы он все понял как надо, и погубить все плоды Маришиного метода воспитания, но тут, слава богу, мы доехали до школы и на грудь Игорю, весело визжа, бросилось сразу несколько девиц, которые, видать, неплохо между собой

ладили, но к появлению двух новых конкуренток отнеслись прохладно. Пока Игорь оделял их своим вниманием, Мариша подхватила меня под руку и постаралась удалиться. Это ей удалось лишь отчасти, потому что Игорь вознамерился следовать за ней неуклонно, куда бы она ни шла. Удалиться получалось, а вот скрыться – увы.

– Черт знает что такое! – возмутилась Мариша, когда и в женский туалет за нами приперлась одна из подруг Игоря, старательно делая вид, что зашла сюда исключительно по надобности.

– Слушай, подруга, – несколько более раздраженно, чем того заслуживали обстоятельства, сказала Мариша, – сама подумай, зачем вам еще я и Даша? Вас и так слишком много на одного мужика. А так как нас он еще не пробовал, логично будет предположить, что все свое внимание отдаст либо мне, либо Даше. Вам это надо?

Девушка резко отрицательно потрясла головой.

– Тогда помоги мне выбраться отсюда, чтобы никто не видел, куда я пошла, – приказала ей Мариша.

– Игорь будет недоволен, – пролепетала девушка.

В душе я согласилась с ней, но что Марише до чужих проблем!

– Конечно, он немного посердится, потом забудет и на весь вечер останется только вашим, а иначе не видать вам его на сегодня, – сурово посулила Мариша девушке, которая после такого внушения мигом открыла окно и помогла Марише выбраться через него. Мне, так как я наотрез отказалась портить свой наряд и спускаться по плющу, было поручено отвлекать внимание Игоря на себя и ждать возвращения Мариши.

К сожалению, окно выходило во двор, и все гости, включая Игоря, вышедшего на улицу покурить, могли наблюдать, как Мариша спускается по стене школы, судорожно цепляясь за дикий виноград и решетку, на которой он разросся, и взвизгивает, когда упругие плети вырываются из рук. А я высовываюсь из окна женского туалета и участливо советую ей, куда ставить ногу. Игорь снял Маришу с плюща и, почти ничего не сказав, тщательно отряхнул ее платье от налипшей листвы, потом взял ее за руку и доставил обратно наверх. Некоторое время, пристыженная его молчанием, Мариша не предпринимала никаких новых попыток. Но даже я должна была согласиться, что Игорь своим присутствием страшно мешал нам внедряться в местное общество. Мальчики отказывались понимать наши призывные взгляды, пока рядом с нами находился Игорь.

– Определенно мы тут даром теряем время, – возмущалась Мариша. – Что я, сюда стену подпирать пришла? Игорь, – обратилась она к своему другу, сохранявшему ледяное молчание, – я тут встретила одну знакомую девочку, мне надо к ней подойти. Знакомы мы с ней всего лишь день, но такой красотки мне в жизни не приходилось видеть. Тебе бы тоже не повредило с ней познакомиться.

Против моего ожидания Игорь заглохнул грубо сработавшую наживку с величайшей охотой. Видимо, думал он не той головой, что была у него на плечах, и Мариша, очень довольная собой, отправилась на поиски своего ударника. Игорь вцепился в меня мертвой хваткой и принялся закармливать комплиментами, так что за Маришиными передвижениями мне пришлось наблюдать издалека. А она времени даром не теряла.

Лешего Мариша увидела почти сразу же, и ее настроение резко подпрыгнуло вверх. Он стоял в окружении целой оравы ярких представителей группы риска.

– Наркоманы – это то, что мне надо, – с воодушевлением отметила сама для себя Мариша. – Именно через них мы и выйдем на тех троих психов с лопатами.

Но за то время, пока она добиралась до Лешего, он переместился к другой группе. Они тоже выглядели достаточно перспективно для Маришиных планов, поэтому без долгих размышлений о том, правильно ли она делает, что от безделья влезает в это дело, начавшееся весьма мрачно, сразу одарив ее скверно выглядевшим трупом, она подошла к Лешему.

– О! – искренне обрадовался тот, увидев ее. – Ты потрясающе выглядишь. Я весь день думал о том, что большей красоты, чем ты утренняя, мне не увидеть, но теперь понимаю, что глупо ошибался. Ты просто великолепна!

Мариша немного опешила от галантности, которая была явно не к месту на этой разнужданной дискотеке, где пахло дешевыми дезодорантами, приобретенными по случаю у цыганок на базаре, потными носками и неизменным чесноком. Услышать такой комплимент было бы уместно на дореволюционном балу, кружась в вихре вальса, но хуже он от этого не становился, и Мариша расцвела. В ответ Леший плутовато улыбнулся и приник губами к Маришиному уху.

– Я был бы счастлив, если бы ты согласилась быть на сегодня моей девушкой. Я вообще-то не страдал бы и без девушки, но ты – это нечто особенное. Поэтому есть предложение всем вместе завалиться на дачу к одной подруге и знатно догудеть сегодняшнюю ночь. Будут все, кто из себя хоть что-то представляет. Ручаюсь, ты приколешься. Новые люди, и все такое.

Маришу настолько устраивало предложение Лешего, что она с большим трудом сдержала восторженный вопль удовольствия и совсем не обратила внимания на изменившийся стиль речи своего собеседника. Немного помучив его раздумьями, она неохотно дала обещание присутствовать на вечеринке.

– Отлично! – воскликнул Леший ее уступчивостью. – Я найду тебя после выступления, мы немного потанцуем под записи, затаримся провиантом и отвалим.

Мариша согласно кивала головой, а в душе жалела доверчивого парня и внезапно вспомнила про Игоря. Тому причиной было его каменное лицо, внезапно возникшее в поле ее зрения.

– Ой! – вздрогнула она. – Забыла спросить, а красивые девушки там будут? Если красивых не будет, то я не поеду. Моей подруге без девушек скучно, очень она их любит.

Мимоходом опорочив меня навечно в глазах местного общества, она ждала ответа. Леший немного обалдел, но девушек пообещал. После этого он с некоторой опаской чмокнул Маришу в щеку, покосился на меня и исчез.

– Что ему было от тебя нужно? – немедленно возник рядом с ней Игорь, продолжавший цепко обнимать меня за талию. – Это так ты ищешь свою подружку, обманщица.

– Если бы ты попридержал язык и вспомнил о том ворохе теток, которые висят на тебе, то тебе бы стало стыдно укорять меня из-за одного-единственного мальчишка, который к тому же приглашает нас всех на вечеринку, где будет и моя подружка.

– И где же она? – моментально подобрел Игорь.

Мариша быстро обвела дальнюю часть зала глазами и, выбрав девушку со стройной фигуркой и густой копной рыжих волос, направляющуюся к выходу, ткнула в нее пальцем.

– Симпатичная, – одобрил ее случайный выбор Игорь. – Я согласен.

– Только учти, Игорек, ты – мой брат. И не вздумай мне мешать разговаривать с людьми. Меня они интересуют только с точки зрения их причастности к нашему делу.

– Ты свихнулась, – ахнул Игорь. – Не смей вмешиваться. Это работа Никитина. А я-то, дурак, еще радовался, что ты переключилась на флирт. Я тебе запрещаю ехать.

– Я плевать хотела на твои указания, – разозлилась Мариша. – Я все равно сделаю по-своему. Так что выбирай, либо ты едешь с нами и по мере сил оберегаешь меня и Дашу от всех опасностей, либо я еду одна, и тогда моя смерть будет на твоей совести.

Игорь молча повернулся и ушел.

– Ну и черт с тобой, потом на судьбу не пеняй! – крикнула ему вслед Мариша, но он не отреагировал, про меня тоже больше не вспоминал, видимо, сочтя окончательно пропащей.

Дальше дискотека пошла с большим успехом. Я всегда судила, удалась или не удалась вечеринка, по количеству новых поклонников, которых мне удалось приобрести. Сегодняшняя однозначно превосходила все предыдущие во много раз. Качество вновь обретенных поклонников, конечно, было сомнительно, но количество превосходило все мыслимые пределы. Я

просто не могла понять, в чем дело. Смущало только то, что они, все как один, очень противненько хихикали, когда расспрашивали меня про моих подруг. А когда стали предлагать себя в качестве замены моим подругам, я пошла разыскивать Маришу, чуя, что тут не обошлось без ее вмешательства.

Она к концу вечера чувствовала себя так, словно провела в этом городе без малого несколько лет, но, к сожалению, среди ее новых знакомых не находилось никого хотя бы отдаленно смахивающего на тех ребят из уединенного сарайчика. Это портило общее впечатление, но разве только самую малость.

– Классная дискотека! – обратилась она ко мне.

– Послушай, Мариша, – начала я, – ты не находишь, что ребята тут несколько странные? Они тебя не спрашивали про твоих подруг? Со мной они только ими и интересуются. Что это с ними?

– Не обращай внимания! – легкомысленно махнула рукой Мариша, уже напрочь забывшая о том, что она совсем недавно наплела про мои сексуальные изыски Лешему.

Когда отзвучали последние такты музыки и Леший уже не в качестве ударника постарался просочиться сквозь восторженную толпу поклонниц своего таланта поближе к Марише, ему пришлось одолеть еще и плотные ряды ее поклонников. Мариша строила глазки направо и налево и ничуть не смущалась тем, что в такой тесноте им с Лешим потанцевать вряд ли удастся. Маришиных кавалеров я вполне понимала, она и в самом деле была девушкой с богатыми внешними данными. Роста и телосложения она была самого богатырского, чтобы целиком обнять ее, потребовался бы мужчина недюжинных габаритов, а физиономия у нее удивительным образом не сочеталась с солидной фигурой. По-детски смешливый рот, вздернутый нос и голубые глаза, в которых плясали задорные чертики, – по идее, все это должно было заставить поежиться всякого увидевшего их. Но мужики в глаза ей смотрели (если вообще смотрели, не у всякого же роста хватает) в самый последний момент, уже после того, как отрывались от ее прочих достоинств. Вполне понятно, что после таких видов им было не до всякой мелюзги. Кавалеры слетались на ее смех как мухи на мед, Леший мигом сориентировался и предложил немедленно ехать на дачу.

– Мария, ты куда собралась? – услышала я у нас за спиной голос Игоря. – Куда это моя сестричка намылилась без меня?

Мы с Маришей молча на него вылупились, не зная, как реагировать, и с трудом соображая, что он обращается к нам.

– Познакомьтесь, – неохотно промямлила совершенно дезориентированная его странным поведением Мариша. – Это мой брат – Игорь. Он меня страсть как любит и одну никуда не отпускает. Помнишь, я спрашивала про девушек? Для него старалась. Знала, что обязательно увяжется.

Лешего отнюдь не умилила подобная братская преданность, но он вежливо пригласил Игоря ехать с ними. А потом, узнав, что подозрительный брат на колесах, начал радоваться и бурно выкликать своих друзей, чтобы ехать с комфортом. Двое легкомысленных молодых людей согласились, на взгляд Мариши и мой, весьма опрометчиво. Все вместе мы набились в «Ауди». Я и Мариша уже несколько пообвыклись с манерой Игоря водить машину и вскрикивали только на особо крутых виражах, а вот мальчикам приходилось несладко. Они заметно побледнели и больше не смеялись. Из всей компании поездкой от души наслаждался лишь Игорь. Он весело болтал и всякий раз после поворота не забывал спросить:

– Ну что, мальчики, вы еще тут?

Леший хриплым шепотом указывал дорогу и явно разрывался между желанием, чтобы все закончилось побыстрее, и врожденным чувством собственного достоинства.

– Приехали, – со вздохом огромного облегчения произнес Леший, указывая всем телом в окно.

Мальчишки вылезли из «Ауди», несколько секунд постояли на ватных ногах, покачиваясь и вздрагивая (мы прекрасно их понимали и от души сочувствовали), а потом, не сговариваясь, дружно бросились бежать по мощенной белой плиткой дорожке, ведущей к дому. Дом был построен все из того же белого силикатного кирпича – продукции местного производства, но его размеры поразили даже привыкших к гигантомании Маришу и меня. В нем было три этажа, а сверху еще сильно выдающаяся мансардочка. Я от души понадеялась, что строители знали свое дело. Но дальнейший осмотр подсказал мне, что надежды мои необоснованны. Фасад украшали круглые кирпичные колонны, а окна обрамляло узорное кружево, тоже из кирпича. По всей площади и без того изломанной углами и выступами крыши прятались миниатюрные башенки, на которых крутились еще более маленькие флюгера. Тут и бедовые петушки, и просто стрелочки, и бородатые гномики, и даже котенок, чьи четыре лапы были приспособлены определять направления ветра.

Мариша клацнула зубами, захлопнув рот, и попыталась утешить себя.

– Возможно, – очень неуверенно предположила она, – возможно, внутри несколько иная обстановка.

– А по мне, так дом очень неплох, – заявил Игорь. – Спасибо, что вытащила сюда.

На массивных ступенях в трех экземплярах разместилась причина резко поднявшегося настроения Игоря. Двух из них при таком освещении можно было бы назвать хорошенькими, если бы не варварски осветленные перекисью волосы. Мы с Маришей синхронно фыркнули негодующе и прошли внутрь. На первом этаже было тесновато от скопившихся гостей, предающихся питью самых разных напитков, начиная от самогона и кончая самыми дорогими сортами коньяка. Закусывали тоже по-разному: колбасами с базара, копченым салом, лимонами, рыбой в различных степенях готовности и зеленью с ближайших участков. Я поднялась на второй этаж, там все повторялось с небольшими вариациями. На третьем этаже мы застали ту же картину, но здесь все-таки было поспокойнее, и мы с Маришей решили присесть и передохнуть от всеобщего обожания именно тут. Мариша спряталась за широкими спинками мягкой мебели, которая стояла прямо на галерее, окружавшей гостиную правильным шестиугольником, а я пристроилась на диванной подушке рядом с ней.

Сквозь решетки деревянного ограждения было хорошо видно, и я, не торопясь, рассматривала гостей. Внезапно я почувствовала, как Мариша сильно вздрогнула и молча ткнула меня в бок, а так как контролировать толком свои силы она к двадцати пяти годам так и не научилась, толчок у нее получился ощутимый. Я поневоле повернула голову в ту сторону, куда она указывала. Стоящий спиной к нам юноша показался мне на удивление знакомым. Верней, не он сам, а лишь его голова. Она навевала смутную, но очень неприятную тревогу. Парень не собирался тут задерживаться, он переминался с ноги на ногу и откровенно тяготился разговором. Очень вовремя на лестнице появился Леший. Мариша выпрыгнула из своего убежища, перепугав несколько ближайших компаний, и утащила Лешего в наше логово. Если тот полагал, что разговор пойдет о любви, то ему быстро пришлось разувериться в этом.

– Смотри внимательно, – приказала ему Мариша. – Кого видишь?

– Очаровательную и непредсказуемую девушку, которая буквально покорила мое сердце.

– Да не на меня, – с досадой отозвалась Мариша. – Смотри вниз. Тот парень с далеко не круглой головой, кто он?

– Можно сказать, никто, – равнодушно пожал плечами Леший. – Его папа в руководящих работах числится, а сынок – обалдуй, и только.

– Но хоть имя ты его вспомнить можешь?

– Это могу. Стась Гриценко. Мама у него полячка, а папа хохол. Какие-то у него вечно проблемы. Вот и сейчас битый час упрашивал меня позволить ему пожить в деревне у моей бабушки.

Мы с Маришей многозначительно переглянулись, вспомнив, что ту же фамилию называл Никитин.

– И ты ему разрешил? – спросила я.

– Да с какой стати? Моей бабушке хватает хлопот и без него. Чтобы я своей старушке подсунул такой подарочек? Нет, спасибо.

Леший столь горячо возмущался одним только предположением, что он способен хоть как-то навредить своей горячо любимой бабушке, что Мариша на минутку отвела глаза от Стася. Тот, словно только и дожидался этого, исчез в сей же миг. Не успела я дух перевести, как Мариша уже бросилась за ним следом, но тут модельные туфли сыграли с ней дурную шутку. Тонкие и острые каблучки запутались в густом ворсе лестничного ковра, зацепились за что-то, и я неожиданно увидела, как Мариша летит, летит, летит...

Приземлилась она точнехонько на того парня, с которым разговаривал Стась, что дало отличный повод завязать знакомство. Все складывалось на редкость удачно. Парень был сражен наповал свалившимся на него счастьем и почти не оказал сопротивления. Не стоило никакого труда заставить его выпить первые сто граммов за знакомство, а потом дело пошло и вовсе весело. Бабушку свою он, оказывается, тоже любил, но в отличие от Лешего (который любил, и все тут) к его любви примешивалась легкая грусть, так как старушка совсем плохо видела, но продолжала жить на своем уединенном хуторе, упрямо отклоняя предложения перебраться в город. Как полагал Маришин собеседник – из чистого желания досадить любимому внуку, который был вынужден мотаться туда чуть ли не каждый день, а ведь у него работа и личная жизнь. Поэтому в отличие от Лешего просьбу Стася пожить у его бабушки он воспринял на «ура». Так как старушка не только плохо видела, но и почти не слышала, то Стасю не составит труда убедить ее, что к ней прибыл погостить ее внучек.

Мариша намертво впилась в свою жертву и заставила его проглотить несколько историй о том, как она настрадалась в шумном и пыльном городе, а затем она таки вынудила его в подробностях объяснить, как добраться до того чудного и тихого места, чьими единственными обитателями будут мирная старушка и милый паренек.

– Только вот что, – озабоченно произнесла Маришина жертва, – Стась что-то говорил про нелады с органами, вроде бы его собираются в армию забрать, и даже папа ничего пока сделать не может. Поэтому про него никому не рассказывай.

– Ну что ты! – предельно честно, с каплей благородного негодования в голосе ответила Мариша и потащила меня разыскивать Игоря.

Его мы нашли сидящим все на том же крыльце, только количество окружающих девушек существенно увеличилось.

– Игорь! Мы едем в деревню, – сообщила Марина.

– Здорово! – обрадовался он. – Собирайтесь, девчонки.

– Ты не понял, – с нажимом произнесла Мариша. – Мы едем с тобой и Дашей в гости к бабушке. – И увлекши слабо сопротивлявшегося Игоря под сень дома, поведала о том, что нашла предполагаемого убийцу.

– Не поеду, – наотрез отказался Игорь. – Во-первых, ночь, а дорогу мы не знаем, во-вторых, это дело Никитина, в-третьих, это не твое дело, а в-четвертых, и не мое.

И в полной уверенности, что его юмор неотразим, он вернулся к своим девушкам. Мариша догнала его и ласково обняла за талию, надеясь тронуть лаской, но он вырвался и ушел к своим новым подругам.

– Ты вынуждаешь меня пойти на самые крайние меры, – вслед ему бросила Мариша, но Игорь не отреагировал. А зря, я бы на его месте призадумалась. Но ведь он знаком с Маришей всего сутки, а я – многие годы.

Сама еще толком не зная, в чем могут заключаться эти самые крайние меры, но не сомневаясь, что последствия возможны самые ужасающие, я увидела, как грустного Лешего, слоня-

ющегося по дому с потерянным видом, взяла в оборот Мариша. И тут мои мысли стали принимать четкие очертания, чему очень способствовали ключи от «Ауди», блеснувшие в руке Мариши.

– Леший, – вкрадчиво обратилась к нему Мариша, и по тому, как вспыхнули его глаза, я поняла, что этот-то в отличие от Игоря сделает все, что она скажет. – Ты хочешь прогуляться со мной за город? Искупаемся при луне в прохладной воде, и все такое прочее.

Лешего не смутило то, что сейчас новолуние, он с радостью согласился. Правда, его радость несколько поутихла, когда он увидел, что Мариша садится за руль «Ауди», а я устраиваюсь на заднем сиденье, но пара поцелуев убедили, что она отлично разбирается в мужчинах и машинах, поэтому он позволил запихать себя в салон беспрепятственно.

– Мы едем на хутор к бабушке того типа, на которого я грохнулась. Будешь показывать дорогу, – сообщила ему Мариша, вырываясь со двора.

– Но я никогда там не был, – робко заметил Леший.

Это был существенный удар по Маришиному плану. Я обрадовалась, что удастся обойтись без экскурсии по ночным пригородам, но тут Мариша указала туда, где из кустов высывалась чья-то задница, обтянутая небесно-голубыми джинсами.

– Это он! – ликовала Мариша. – Тащите его в машину. Уж он-то должен знать дорогу к собственной бабушке. Везет нам с тобой, Дашка, сегодня – то по затылку определили Стася, то по заднице вычислили нашего друга.

А другу было плохо. Влитая в него Маришей водка в сочетании с предыдущей дозой вытворяла с его телом незавидные штуки. Его поминутно тянуло в кусты, потом спать, а потом снова тошнило. Как проводник он немногого стоил, но Мариша рассудила, что лучшего у нас все равно нет, поэтому и нечего капризничать. Что будет потом, когда мы доберемся до Стася, я плохо себе представляла. Вероятно, придется поговорить с ним по душам. Я очень надеялась, что в этом нам поможет Леший, который, похоже, недолюбливал Стася.

– Там твой брат что-то руками машет, – сказал Леший, случайно оглянувшийся назад.

– Не обращай внимания, – успокоила его Мариша, – он, когда выпьет, очень разговорчивый.

– И он явно недоволен. Ты уверена, что он разрешил тебе взять машину? – продолжал терзаться Леший.

– Ну конечно, – очень искренне обиделась Мариша. – Как иначе могли у меня оказаться его ключи?

– Мариша, ты в курсе, что мы участвуем в уголовно наказуемом действии? Угон машины – это не фунт изюма. Нам может грозить солидный срок, а я не намерена коротать свои дни в городской тюрьме, – прошептала я ей на ухо так, чтобы не нервировать лишний раз попутчиков.

– Не беспокойся, во-первых, у них нет тюрьмы, нас отошлют в Чернигов, а оттуда домой, а во-вторых, ключи-то у нас, значит, и угона не было. Он сам мне дал, понимаешь, сам, а ты свидетель, что он мне их дал и еще присовокупил, чтобы я вела осторожно, что я и делаю.

А между тем проводник выдавал весьма скудную и противоречивую информацию относительно дороги. Благодаря его стараниям мы крутили по дорогам без малого пару часов, а результат был все еще неудовлетворительным.

– Надо было дожидаться утра, – подал здравую мысль Леший, частично посвященный в курс дела. – Стась, я уверен, именно так и поступил.

– Ничего подобного, он сказал, что он на машине и ждать рассвета не собирается, – разбив нашу последнюю надежду на возвращение домой, сказал по-прежнему пьяный проводник. Мариша стиснула зубы и повернулась к нему назад.

– Послушай меня внимательно, – прошипела она сквозь зубы. – Мы должны добраться до того хутора и доберемся. Но сколько времени уйдет у нас на это, зависит только от тебя, поэтому тебе лучше постараться вспомнить дорогу.

Но даже такое внушение не помогло. Ночевать пришлось в лесу. Ночь была теплая, и мы все-таки искупались в каком-то ручейке. Так что Лешему было вроде бы не на что жаловаться, но выглядел он почему-то весьма недовольным. На рассвете всех разбудил наш горе-проводник. Он настойчиво тряс Маришино плечо, которое оказалось в пределах его досягаемости, и всячески домогался получить ответ, какого черта он тут делает и где все остальные.

– Кто еще тебе нужен? – удивилась Мариша. – Ты взялся показать дорогу до хутора своей бабушки, мы, дураки, тебе и поверили.

– И что?

– Где хутор, я спрашиваю?

– Да вон же он, – буркнул проводник, кивнув головой в сторону соседних деревьев, за которыми и в самом деле проглядывали стены какой-то постройки.

Высочив из машины, Мариша скинула туфли и поспешила к ним. Я помчалась за ней, на ходу проклиная всех подруг в мире, проселочные дороги, а заодно и старушек, которым втемяшилось жить в таком уединенном и труднодоступном месте. Хутор выглядел запущенным и безлюдным, как и обещал наш проводник. Мариша пробежала по примятой чьей-то машиной траве к главному дому, но он оказался пустым. В сарае стояла малиновая «девятка», в которой Леший без колебаний признал машину Стася, но его самого не было видно.

– Где твоя бабушка шляется в такую рань? – накинулась я на провожатого. – Сил моих нет с вашим семейством.

– Если ее нет дома, то разве что в огороде.

Мы обогнули дом и вышли к небольшому огороду, по которому тянулись ровные грядки с помидорами, луком и фасолью.

– Ой, сколько тут ворон! И смотрите, они совершенно не боятся чучела. Кружат над ним да еще и норовят усесться на него. Первый раз такое вижу! – удивленно воскликнула Мариша.

– Первый раз видишь такое, потому что это... – заплетающимся языком пробормотал Леший, до того внимательно всматривающийся в стаю ворон, и побегал к огороду.

Первым места, над которым кружили вороны, достиг проводник. Вороны при его приближении в испуге разлетелись, но считать это везением было опрометчиво. Они хоть в какой-то мере закрывали собой ту мешанину из ключев окровавленной одежды и растерзанной плоти, которая еще несколько часов назад звалась Стасем Гриценко.

Он висел на двух крестообразно укрепленных жердинах, воткнутых прямо в землю и приготовленных для установки чучела. Его руки были крепко стянуты за спиной тонким капроновым шнуром и перекинута через горизонтальную перекладину, а ноги представляли собой страшный натюрморт из раздробленных костей. Сходство с распятым Христом придавал кусок белой ткани, составляющий единственную его одежду.

– Какой ужас! – прохрипел стремительно теряющий румянец Леший и готов был упасть в обморок. Я и сама чувствовала, как тошнота подкатывает к горлу и жить хочется все меньше и меньше.

– Мариша, что это? – пролепетала я.

– Как что? – удивилась она. – Труп. Кто-то опередил нас и прикончил нашего приятеля до того, как мы успели потолковать с ним.

Наше внимание привлекли странные звуки. Это наш проводник пытался что-то сказать, в чем ему сильно мешали душившие его спазмы, но он исправно пялился куда-то за наши спины и попыток заговорить не бросал.

– Признавайся, скотина, – довольно спокойно для данной ситуации начала Мариша, – кому ты еще проболтался о том, что направил Стася к бабке?

– Никитин, – выдавил из себя вконец убитый происходящим проводник.

– Да где же ты успел его найти! – возмутились мы хором. – Его не было на вечеринке.

Проводник еще немного побулькал горлом, дернулся всем телом, отступя назад, и выдал из себя:

– Никитин приехал.

– И какого черта ты все ему разболтал? – сердито спросила Мариша. – Сам ведь твердил, чтоб мы не проболтались органам. Ну, ты и фрукт. Выдал ментам своего лучшего друга.

– Неужели Никитин и прикончил его? – удивилась я, ощущая неприятный холодок во всем теле. – Тогда он и нас может... чтоб не болтали. Чего ему теперь терять.

– Никитин приехал, – довольно тупо повторил проводник, продолжая пятиться задом.

– Слушай, приятель, не нарывайся, – буркнула Мариша. – И так нервы на пределе.

– Сюда идет, – успел сообщить нам проводник, прежде чем споткнуться и шлепнуться на землю, а мы наконец-то расслышали приближающиеся сзади шаги и оглянулись.

К нам в самом деле изо всех сил спешил Никитин, а кроме него, приближалась компания из четырех человек, каждый из которых был мне знаком. Кажется, они были нами очень довольны. Из них всех я меньше всего сейчас хотела видеть Игоря, но он-то и мчался первым и так явственно стремился пообщаться с нами, что становилось жутко. Следующим в списке нежелательных персон был, конечно, Никитин, от бесед с ним я бы тоже воздержалась, но он был тут; потом я отлично обошлась бы и без двух парней из группы поддержки. Единственный, кто несколько утешил меня, был парень, которого я мельком видела на вечеринке и у которого ко мне не могло накопиться много претензий. Только его и была я искренне рада видеть, но он шел самым последним и погоды не делал.

А вот Игорь приближался. Он мчался к нам на всех парах и грубо ругался. Не следовало бы ему показывать, что он знает такие выражения, но понять его было можно. Начал он сразу с обвинений.

– Вы угнали мою машину, – безапелляционно заявил он нам. – Вы угонщики.

Имея за спиной довольно свежий труп зверски замученного человека, мы сочли его обвинение более чем приемлемым.

– Вас посадят в тюрьму, – сообщил он, и мы склонны были с ним согласиться. – Это вам так не сойдет.

Даже с этим заявлением мы не стали спорить. Леший только сделал несколько шагов в сторону, и в наших плотно сомкнутых рядах открылась брешь, через которую вновь прибывшие и увидели распятого Стася.

Игорь поперхнулся очередным обвинением и затих, вытаращив глаза и изогнув шею под таким немислимым углом, что оторопь брала. Никитин, наоборот, сразу же проявил редкую собранность и живость. Первый шок для него длился всего несколько минут, в течение которых я лично испытывала ни с чем не сравнимое удовлетворение. Но они пролетели, как все хорошее, очень быстро.

Вскоре Никитин уже кружил вокруг креста. Осмотрев труп, он оглянулся на нас и задал вопрос, который я опасалась услышать с того момента, как увидела его, приближающегося к нам.

– Ну и кто из вас его прикончил? – хмуро спросил Никитин, упрямо не сводя заинтересованных глаз с Мариши.

Под пристальным взглядом Никитина даже она с ее стальными нервами забеспокоилась и начала бормотать что-то невразумительное насчет того, что так уже было, когда мы сюда явились; что у нас у всех алиби; что нашу машину могли видеть по меньшей мере в пяти населенных пунктах, где мы пытались разузнать дорогу на хутор. В конце речи ее осенило, и она потребовала адвоката, чем окончательно убедила Никитина в виновности.

– Заткнись! – свирепым шепотом посоветовали мы ей хором.

После этого нас усадили в две машины, причем мы с Маришей не сговариваясь выбрали служебную машину Никитина, где, заблокировав двери и окна, оказались в относительной безопасности от брызжущего слюной и ядовитыми намеками Игоря и даже не отказали себе в невинном удовольствии исподтишка, через зарешеченное окошко кидать на него быстрые взгляды, которые тем более были приятны, что он был нам почти не опасен. Никитин приказал двум своим парням следить за тем, чтобы с нами не приключилось что-нибудь плохое. Поэтому ожидание, когда Никитин с оставшимся в его распоряжении парнем закончит свое общение с трупом, прошло без нанесения нам тяжких увечий. Но никакой заслуги Игоря в этом не было. Если бы мы с Маришей не предприняли меры предосторожности, еще неизвестно, как бы закончилась наша встреча.

Труп Никитин с напарником осмотрели и оставили висеть, что, на мой взгляд, было настоящим свинством, но они профессионалы, им видней. Потом они уединились за сараем, где, должно быть, тянули соломинку, кому оставаться со Стасем. Выпало одному из знакомых нам парней. Вид у него при этом был кислее некуда.

– Главное – следи, чтобы вороны ему ничего не выклевали, – авторитетно сказала ему Мариша на прощание.

С переднего сиденья раздались странные звуки – похоже, это скрипели зубы Никитина. Всю дорогу он был неразговорчив и все наши восторженные замечания относительно их появления, состояния дороги и свежего воздуха оставлял без ответа, чем вгонял в тоску общительную Маришу. Всего через какой-нибудь час или полтора мы с Маришей вновь сидели в кабинете Никитина и давали показания, которые ему явно были не по сердцу, но он терпел и слушал.

– Неужели вы не слышали ночью никаких звуков? Ночью кто-то подъезжал к дому на машине, и вы должны были слышать. Почему вы ничего не слышали? – после часа наших объяснений происшедшего выкрикнул Никитин. Вид у него при этом был самый несчастный.

– Вообще-то я слышала машину, когда небо только начинало светлеть, – правдиво, как и учили, призналась я, – но она удалялась от нас, и, пока я искала свои туфли, звук мотора совершенно затих вдали, а болтаться одной по темному лесу мне не хотелось. Я даже никого не стала будить. Думаете, если бы я пошла тогда вперед, можно было бы еще успеть снять Стася?

При этой мысли мне стало по-настоящему плохо.

– За это можете не беспокоиться, – нехотя утешил меня Никитин. – У него на голове под волосами скрыта огромная рана и на шее следы удавки, и умер он по крайней мере за пару часов до рассвета, если не раньше. Если то, что вы говорите, правда, то убийца дождался рассвета, устроил убитого на кресте и укатил в противоположном направлении.

При этих словах по его лицу промелькнула тень. Во всем этом явно было что-то такое, что неплохо укладывалось в нашу версию и что отнюдь не радовало Никитина. Он стал совсем хмурым. Видя это, я решила немного утешить его и рассказать о том, что мне было хорошо известно, а именно, как ключи от «Ауди» Игоря оказались у нас. Против всякого ожидания, Никитин совсем не обрадовался. Он начал как-то странно пыхтеть и менять окраску.

– Не понимаю, чего вы так злитесь, – сказала на прощание вконец обнаглевшая и потерявшая всякий страх Мариша. – Мы вам правду рассказываем. Игорь сам дал нам ключи.

Никитин только рукой махнул. Ключи, «Ауди» и Игорь его, похоже, больше не интересовали.

Выйдя из милиции, Мариша крупным аллюром понеслась к рынку. Я догнала ее уже на полпути, возле газетного киоска, где она расплачивалась с продавцом за подробную карту района. По какой-то причине, может быть, чтобы не терять зря времени, Мариша все тем же аллюром бросилась к кустам, спрятавшись за которыми мы и разложили карту прямо на траве, а чтобы она не улетела, устроились прямо на ней, благо размером она была с одеяло.

– Смотри, – Мариша увлеченно ползала по карте, – вот та деревня, где на нас под утро спустили овчарку, а вот та реставрируемая часовенка, она отмечена крестиком. Значит, хутор должен быть буквально в десяти-пятнадцати километрах к югу. По крайней мере, дорога ведет только туда.

– Но в любом случае, – подхватила я, перемещаясь в другой конец карты, – убийца должен был вернуться к себе вот по этой дороге. Куда она ведет?

– В Ульяновку, а потом к райцентру, но до него далековато, за одну ночь не управишься. И то и другое – большие села, а между ними малые деревеньки и хутора, и в каждом из них мог укрыться преступник.

– Что там в этой Ульяновке такого, что выбило Никитина из колеи? – сокрушенно спрашивала меня Мариша.

Я ползала по карте, выглядевшей как небольшое одеяло, не находила там ничего примечательного и, пока гром не грянул, не замечала опасности.

– Даша, бежим! – скомандовала глазастая Мариша. – К нам мчится Игорь, и он не в том настроении, чтобы с ним общаться.

Со слабой надеждой, что меня обманывает слух, я подняла глаза и убедилась, что надежда моя напрасна. К нам действительно приближался Игорь, снова чем-то недовольный. Правда, девушки рядом с ним сегодня не наблюдалось, но даже это меня не утешило. Мы подскочили, словно нас подбросило пружиной, и кинулись в сторону торгового центра. Не то чтобы мы очень торопились, но карту свернуть не успели, оставив валяться на земле. Впрочем, она пролежала недолго, ветер подхватил ее и швырнул прямо в Игоря. Ему это не прибавило хорошего настроения, он выругался и прибавил шагу. Сомнений не было, он хотел с нами пообщаться.

– Главное – успеть войти вовнутрь, там он нас не найдет.

Мы быстро поднялись на второй этаж. Выбор товаров в магазине был невелик, спрятаться среди них не было ну никакой возможности! Я просто глазам не поверила, что здесь может быть так пустынно. Спартакиады и прочие спортивные состязания, требующие простора, можно было проводить в этом помещении, а не прятаться от разгневанного мужика. После метаний по этажу мы оказались в отделе игрушек, где не было практически никаких игрушек, и только в центре гордо высилась самая настоящая избушка на курьих ножках, выполнявшая роль декора. Она выглядела добротной сделанной, внутренняя обивка у нее была из какого-то пушистого материала, что только прибавило нам уверенности в правильности выбранного пути, да и сама избушка оказалась достаточно вместительной, чтобы укрыться в ней вдвоем и чувствовать себя там прекрасно. Сделали мы это как нельзя кстати, потому что буквально через минуту в отдел влетел пышущий жаром Игорь. Стремительным шагом он миновал наше укрытие и, не задерживаясь, пошел дальше.

– Посидим еще немного, – предложила я на всякий случай, и случай этот возник в персоне Лешего.

В глубокой задумчивости он прошел мимо прилавка и остановился возле нас.

– Как твои дела? – подала я голос, едва он встал на якорь.

Леший подпрыгнул на месте и вытаращился на меня, выглядывающую из окошка избушки на курьих ножках.

– Ой, это ты! – обрадованно воскликнул он.

Не знаю, кого он ожидал увидеть. Судя по его испугу, настоящую Бабу Ягу и, должно быть, в обществе Кощея Бессмертного, потому как на Василису Премудрую Мариша никак не тянула, а Змей Горыныч только что покинул сцену.

– А я тут не одна, а с подружкой, – загадочно проворковала я. – Хочешь к нам?

Конечно, он хотел. Как только разглядел Маришу, сразу же и захотел. Он забрался к нам, и стало чуточку душно и тесно, но не настолько, чтобы вернуться в мир, полный опасностей.

– Леший, – умильно проговорила Мариша, – почему тебя не задержали вместе с нами?

– Потому что майор родной брат моей матери, – неохотно признался Леший.

– Никитин – твой дядя? – ахнула Мариша и тут же переменяла тему: – А что ты знаешь про Ульяновку?

– Обычное село, – равнодушно ответил Леший, почесывая живот, и добавил: – Только там живут исключительно баптисты. У них и школа своя, и церковь, и больница. Верней, не церковь, а молеальный или молитвенный дом, но это неважно.

Мы с Маришей многозначительно переглянулись и спросили:

– А как туда можно добраться?

– Автобус через час ходит, и ехать всего сорок минут.

Мне эта близость к месту пребывания предполагаемого убийцы очень не понравилась, но Марише, похоже, было все равно. Она собралась что-то сказать, но раздались шаги, и мы все, как по команде, затихли. Никому из нас не хотелось попасться на глаза покупателем. Это снова оказался Игорь. Переждав несколько минут для безопасности, мы выпихнули Лешего из домика, потому что он мешал нам пройти, и выскочили из магазина. «Ауди» Игоря поблизости не наблюдалось, и мы рванули на автовокзал.

Нам повезло, автобус отходил через полчаса. У нас хватило времени, чтобы пообедать. Мариша взяла котлету с макаронами, а я рыбу под майонезом. Выглядела она великолепно, вся была залита густым соусом, посыпана укропом и аппетитно румянилась. Мариша грустно жевала резиновые макароны и зеленоватую котлету и втайне завидовала, но от всех моих предложений по-братски, вернее, по-дружески поделить наш обед отказывалась.

Мы сели в автобус, и уже буквально через четверть часа меня начало мутить. Сначала я приписала это поездке, но, ступив на твердую почву, я не только не стала чувствовать себя лучше, а наоборот. Перед глазамиплыли круги, и желудок просто разрывался от боли.

– Тебе надо к врачу, – заботливо сказала Мариша. – Я найду машину.

Мне пришлось кивнуть и присесть под каштаном, от души радуясь, что не поделилась с Маришей рыбой. Страшно подумать, что бы мы делали в незнакомом месте, отравившись одновременно. Мариша отсутствовала довольно долго, и я уже начала опасаться, что она заблудилась или забыла, где меня оставила, как вдруг рядом взвизгнули колеса «Скорой помощи» и Маришин голос с торжеством произнес:

– Вот она, а вы мне не верили. Видите, как ей плохо.

Причем, когда она произносила последнюю фразу, я что-то не заметила, чтобы сочувствия в ее голосе прибавилось. Меня заботливо запихнули в машину, и мы поехали. В больнице мне сообщили, что есть рыбу, выловленную из Десны ниже плотины, нельзя ни под каким соусом, да и просто жареную тоже не стоит. Никто не знает, что с ней там происходит, но мне еще здорово повезло, что выжила, а не потому, что попала к ним. Лекарств у них все равно нету, поэтому я могу рассчитывать только на свои силы и капельницу с физраствором, который у них остался еще со времен Союза, то есть раствора у них было много, и лежать я могла долго. Меня положили в маленькую палату, где, кроме моей, стояла еще одна кровать, ввели в вену иглу и оставили до утра.

Первое, что я увидела утром, были огромные васильковые глаза в обрамлении густых ресниц. Глаза украшали нежное девичье личико.

– Тебе лучше? – спросила миниатюрная обладательница этих чудесных глаз и прибавила: – Тебя всю ночь тошнило, ты наркоманка?

– Я рыбой отравилась, – ответила я, но, по-моему, мне не поверили, так как девушка продолжила:

– Мои братья помогают таким, как ты. Очень многие выздоравливают и потом остаются жить с нами. Ведь в нашей общине царят покой и любовь, а в мире это большая редкость. Я бы хотела, чтоб ты осталась у нас, по крайней мере до тех пор, пока тебе не станет лучше. Ты ведь

не местная? Должно быть, сам господь привел тебя сюда, не стоит перечить ему. Он привел тебя сюда и устроил так, чтобы и я оказалась рядом с тобой. В этом тоже видна его воля.

Я ничего, кроме неприятия моим желудком столовской пищи, в этом не видела. А девушка между тем продолжала:

– Мои братья помогут тебе найти бога, и ты не захочешь больше колоться.

– Я и так не колюсь, – ответила я ей, на мой взгляд, довольно терпеливо, но она почему-то вздрогнула.

Вообще-то девушка казалась мне славной, к тому же не очень навязчивой, что вообще редкость среди так называемых верующих. Поэтому я и рискнула вступить с ней в диалог. Авось повезет узнать что-нибудь про наших приятелей.

– Просто я ищу одного моего знакомого, – пояснила я ей. – Вот он – настоящий наркоман. Может, ты знаешь такого маленького и жирного парня, который дружит со Стасем Гриценко?

– Такого не видела, но Стася знаю, могу спросить у своих братьев про него, они должны знать. Ты зайдешь ко мне, как только тебя выпишут, и я расскажу все, что сумела узнать про друзей Стася.

Определенно налаживался полезный контакт, но в этот момент в палату ворвалась моя шумная Мариша и бросилась ко мне с изъявлениями восторга:

– Ах ты, старая метелка! – заорала она в упоении при виде меня. – Как ты меня напугала, бесстыдница. Думала, что больше нам вместе на гулянки не ходить, дрянь ты этакая.

Только вместо метелки, бесстыдницы, дряни и гулянок она употребила куда более крепкие выражения, заставившие мою новую подругу умерить свою нестерпимо розовую улыбку до приемлемо вежливой окраски и пойти к врачу за выпиской. Когда она вернулась, Мариши, к счастью, в палате не было. Я умолила ее сходить за соком. Ира, как, оказывается, звали девушку, светло улыбнулась и произнесла:

– Хорошо, что твоя подруга ушла, тебе совсем не надо сейчас видеться с нею.

Я с готовностью подписалась бы под каждым ее словом, а от себя могла добавить, что видеть мне мою Маришу не надо не только сейчас, но и знакомиться мне с ней в далеком детстве не надо было, и садиться за одну парту тоже, и общаться все школьные годы, когда она только и занималась тем, что втравляла меня в свои истории, не стоило. Но сил моих хватило лишь на то, чтобы слабо кивнуть.

– Вот, – сказала Ира, протягивая мне свернутую в четыре раза салфетку, – я написала свой адрес и нарисовала, как добраться до моего дома. Он только что покрашен в желтый цвет, его трудно перепутать. Мы живем вдвоем с бабушкой, она глуховата, но ты покричи, и она услышит.

Я лично сыта была по горло глухими бабушками, они не вызвали у меня больше симпатии, и я собиралась было отказаться, но ворвалась Мариша. В руках у нее была двухлитровая пластмассовая бутылка с надписью «Спрайт».

– Смотри, что я купила – настоящее яблочное вино. Крепленое и ароматное. Стояла за ним целый час, оно продается тут прямо из бочек, как у нас дома квас или молоко, представляешь? – вещала она и в полном упоении упрямо не замечала моих тоскливых взглядов.

– Какое вино! – пробормотала я. – Ты в своем уме? Я чудом не отправилась на тот свет, а ты мне наутро тащишь двухлитровую бутылку бормотухи. Ира, скажи хоть ты ей, – обратилась я к новой знакомой, но, к моему удивлению, ее в комнате уже не было. Исчезла, как эльф.

– Ушла, – удивленно отметила Мариша.

– Конечно, ушла, – сварливо сказала я, – любая нормальная девушка поспешит прочь, когда ты рядом, алкоголичка.

– А я приехала не одна, – сообщила Мариша, расположившись на моей кровати и отхлебывая мутную жидкость прямо из бутылки, подозрительно пахнущей бензином. – Сейчас придет Леший. Он меня на своем «Харлее» подвез.

– А где он?

– Под окном поставили, а что?

– Да не мотоцикл, а Леший где?

– А, он, – равнодушно махнула рукой Мариша. – Стоит за вином. Там, понимаешь, давали только по два литра в одни руки, а он как раз отходил за сигаретами, когда я брала. Ну, я и подумала, что раз вино такое дешевое, надо взять про запас. Вот и оставила его там стоять. Ты не бойся, он скоро будет.

Не успела я сказать, что совсем и не боюсь, как появился Леший с точной копией Маришиной бутылки, которую он тут же открыл. В палате резко усилился запах бензина. Мне тоже налили, и я с тоской поняла, что мне уже не отказаться от угощения. На запах никто внимания не обращал, я стала принюхиваться и внезапно поняла, что напала на след. Меня осенило.

– А откуда у вас эти бутылки? Вы что, тащили их с собой? – задала я вопрос, о коварной подоплеке которого мои друзья и не подозревали.

– Нет, конечно, – рассмеялась Мариша. – Леший нашел.

– И использовались они для хранения бензина, – заключила я.

– Ну и что? – искренне удивилась Мариша, которая с детства росла неприхотливой.

– Пахнет, – пояснила я ей.

– Это пустяки, – бодро сообщил Леший. – Можно сварить отличный глинтвейн. На огне бензин выпарится, мы добавим пряностей, сахара, и все будет отлично.

Так что день прошел приятно, меня отпустили прогуляться по больничному саду, сильно напоминавшему своей запущенностью джунгли. В самом его сердце я нашла Маришу и Лешего, которые все уже подготовили к варке глинтвейна. Мы уселись на пригнувшемся к земле стволе яблони и воздали должное кулинарным способностям Лешего. Напиток и в самом деле получился хорошим. Мы пили его несколько часов, а потом решили идти в гости к Ире. Я так чувствовала, что мои друзья просто минуты больше не смогут без нее прожить.

– Где салфетка? – спросила я, обыскав оба кармана своей больничной пижамы.

– Ой! – испугался Леший. – Я разжигал ею огонь и, кажется, сжег. Но не целиком! – поспешил воскликнуть он, увидев наши с Маришей лица.

На оставшемся клочке можно было разглядеть только название улицы и первую цифру дома.

– В конце концов, этого должно хватить. Не может быть тут нескольких улиц Ленина. Удивительно, что даже одна сохранилась, – сказала я, покончив с осмотром уцелевшего фрагмента салфетки.

Мы довольно скоро нашли эту улицу. Пришлось, конечно, поспрашивать. Я при этом стыдливо отходила в тень, так как сначала меня смущали взгляды прохожих, которые они кидали на мои полосатые штаны и просторную рубашку, но потом я привыкла и перестала обращать на это внимание. Только гулять в шлепанцах по улице Ленина было неудобно, так как она оказалась узким и пыльным тупичком, в котором играли детишки с внешностью малолетних преступников и их ручные животные. Шлепанцы увязали в пыли, и я постоянно оставалась, чтобы выудить их оттуда.

В одну из таких остановок, нагнувшись над непослушной обувкой, краем глаза я заметила, как слева от меня мелькнула девичья фигурка, похожая на Ирину. Но она была в обществе дюжего парня, который ей что-то увлеченно рассказывал, и, похоже, девушке это было интересно. Так как Мариша и Леший ушкандыбали далеко вперед, а я сама броситься вдогонку за парочкой не могла – все из-за своих тапок, – то мне оставалось только заорать.

– Ира! – завопила я во всю силу своих легких, и хотя чувствовала я себя еще ослабшей, но получилось хорошо.

Возившиеся в пыли дети замерли от восторга, а котята, щенки и цыплята бросились враспынную. Девушка, на чье внимание я и рассчитывала, вздрогнула и обернулась. Это и в самом

деле оказалась Ира, она сделала движение, чтобы пойти ко мне, но парень перехватил ее. Он что-то горячо стал шептать ей на ухо, и в результате его уговоров Ира не вернулась по тропинке ко мне, а только махнула рукой:

– Зайди утром, я кое-что узнала.

Этим обещанием и пришлось удовольствоваться. К тому времени, когда ко мне подошли Леший с Маришей, на тропинке никого уже не было. Мы все-таки прошли до Ириного дома, где и в самом деле нас встретила старушка, которую только такая любящая внучка, как Ира, могла назвать глуховатой. Бабушка была глуха как пень. Мы орали как оглашенные и даже исполнили пантомиму в трех лицах, представляющую меня, ее внучку и третьего неизвестного, чье имя хотелось бы узнать. Старушка смотрела с удовольствием и счастливо смеялась, но понять, о чем речь, отказывалась. Наконец один из местных мальчишек сжалился над нами, а может, ему просто надоело слушать повторяющийся речитатив про внучку и ее кавалера, но он сбегал в дом и притащил оттуда слуховой аппарат. С его помощью мы быстро установили контакт со старушкой, и она поведала нам, что Ира ушла. На этом месте мы все заскрежетали зубами.

Но потом бабушка напряглась и выдала пару интересных замечаний. Оказывается, Иру вызвал к себе Сам Елизар, который болеет уже несколько дней, а вот только ему получше стало, и он за Ирой послал. Слово «Сам» было произнесено подчеркнуто с большой буквы. Должно быть, на наших лицах не отразилось ожидаемого почтения, или, возможно, нам полагалось пасть ниц, а мы этого по незнанию не сделали, но бабушка сочла своим долгом разъяснить нам, кто такой этот Елизар. Он оказался главой всех баптистов района или чем-то в этом роде. Во всяком случае достаточно большим человеком, чтобы суметь заставить себя уважать.

Мы бы не постеснялись и сходили в гости к этому большому человеку, но старушка не знала адреса. Ее указаниям не было цены, но только для человека сугубо местного, и не просто местного, а прожившего в этом селе безвылазно все последние пять десятков лет. Потому что для нас ее объяснения вроде: «От сгоревшего курятника Вутенича, того, что прошлым летом перебрался в город к дочке, надо повернуть направо и, дойдя до рога, где до пожара была колонка, свернуть в проулочек за поленницей старой Явдошки».

Поэтому я вернулась в больницу, где все мне очень обрадовались, так как думали, что я сбежала вместе с их драгоценными штанами, а оказывается, я вернулась, и штаны тоже на мне, а Мариша с Лешим поехали обратно, причем Леший умудрился дважды потерять управление, пока делал круг на площади у меня перед окном. Мариша цеплялась за него изо всех сил и, кажется, ничего странного в манере своего друга вести мотоцикл не замечала.

На следующий день они вернулись за мной, чтобы идти в гости к Ире, и стало понятно, что как-то они все-таки умудрились доехать, и даже мотоцикл почти не пострадал. Иры дома не оказалось, она так и не возвращалась и дома не ночевала. Бабушкино почтение перед Елизаром сильно поуменилось со вчерашнего дня, и она от души поддержала наше стремление пообщаться с ним. Она даже проводила нас до его дома, но там нам сказали, что Он уехал в Германию по приглашению братьев, а Ира действительно вчера приходила, но ушла сразу же, а куда – никто не знает. Может быть, пошла к мужу?

Дело становилось все интереснее. Выплывали новые действующие лица и требовали к себе внимания. Ирин муж оказался дома и, несмотря на раннее время, был изрядно пьян и потому словоохотлив.

– Эта Ирка никакая мне не жена, – довольно сообщил он нам. – Разве жена бежит все время к бабке? Она со мной и не живет вовсе. Наши родители считали, что нам надо пожениться, и под это дело дарили дом и машину. Я и стал приставать к Ирке, чтоб соглашалась. Она согласилась, а после свадьбы – на попятный. Не понравилось, что свадьбу гуляли шесть дней, а потом еще и выходные прихватили. Я ее с тех пор в своем доме и не видел, а вот

вчера заходила. Только не могу понять зачем. Спрашивала про каких-то наркоманов, которых я будто бы приглашал к себе. Но я ей так и сказал, что ничего не помню.

Двое наркоманов да еще вдобавок те, о которых спрашивала Ира, нас тоже заинтересовали чрезвычайно. Однако мы не спешили выказывать свой интерес. Ирин муж не выглядел человеком, склонным к чистому альтруизму, скорее он походил на прожженного делягу, которому опасно открывать свои карты, так как он неминуемо использует их в своих целях, и цели эти тоже будут далеки от альтруизма. Поэтому мы все, не сговариваясь, тщательно изображали полное равнодушие к его рассказу. Видя такое, он нет чтобы обидеться да замолчать – ничего подобного, полезные сведения просто полезли из него в устрашающих количествах. Он выложил нам всю подноготную своей супруги. По его словам оказалось, что в девицах она была и ничего, то есть когда он на ней женился, то не ожидал никаких эксцессов, а они не преминули последовать.

Во-первых, она ударилась в религию. Сам-то он тоже верующий, сказал муженек, опасно косясь на внимающую Ирину бабушку, но надо же и предел знать, а она этот предел явно перешла. Потом она отказывалась стирать его носки, но это мелочи, он человек неприхотливый, может походить и в грязных, но вот в те несколько ночей, которые они провели под одной крышей, она отказывалась от всяких супружеских обязанностей, а это уже полное свинство. К тому же в эти самые ночи дома она не ночевала, а шаталась по округе по делам своей религиозной деятельности. Вернее, она так говорила, а на самом деле, он уверен, занималась грязным сексом со всякими вонючими нариками. Помощь она им оказывала, как же – знаем мы эту помощь. Тут Ирин муженек скорчил настолько скептическую рожу, что бабушка, до этого довольно хладнокровно слушавшая его, не выдержала и возмутилась:

– Что ты выдумал, паскудник! У самого полный дом шлюх, а про Иру гадости болтаешь. Дрянной ты мужик, от такого всякая сбежит, и никто ее не осудит.

Это мы с Маришей поняли уже и без ее слов. Но все равно приятно, когда кто-то поддерживает твоё мнение, поэтому мы сомкнули ряды вокруг бабушки и всем видом показывали, что поддерживаем ее. Это вызвало странную реакцию мужа. Он заорал:

– Думаете, я не знаю, что внучка ваша к Елизару по ночам шастает, как он сюда явится, так она к нему. Вот и вчера я видел, как она зашла к нему перед ужином, да обратно я ее что-то не дождался. Часа три потерял возле его дома, кругами ходил, а ее не было – и все. Потом приятеля попросил покараулить, сбегал за мальком и снова ждал. Не выходила она от Елизара и не стеснялась тем, что жена его тоже была дома. Вот она какая, ваша внучка, – с торжеством закончил он.

Нас с Маришей его слова заставили призадуматься, так как у Елизара нам сказали прямо обратную вещь. Стало быть, кто-то лгал, и было очень похоже, что лгали люди Елизара, а также густо нарумяненная особа, которой полагалось быть его женой. Ирин муж производил впечатление оскорбленного в лучших чувствах человека, которому поведение жены нанесло удар в самое сердце, и ему не терпится поделиться своим горем с любым даже самым неподходящим слушателем.

К сожалению, он стал повторяться в своих обвинениях и жалобах, и слушать его было не столь занимательно, как вначале. Поэтому мы с Маришей поторопились откланяться и оставили его наедине с бабушкой, которой, кажется, было что ему сказать. Ее голос разносился по всей округе. Как глуховатый человек, она говорила излишне громко, и последние ее слова мы услышали уже, когда свернули за поворот.

– Напрасно ты про Иру говоришь, у них горе случилось, человека убили, а вот эти девочки видели, как его убивают, и тех, кто убивает, тоже видели. Они теперь их ищут.

– Представляешь, что делается, – говорила мне Мариша на обратном пути, который мы проделали в недавно и явно неудачно реанимированном автобусе. – Про нас теперь все знают благодаря стараниям Ириной бабушки. Надо рассчитывать на визит убийц, вряд ли они станут

ждать нашего следующего шага. А твоя Ирка не простая штучка, надо было сразу же в нее вцепляться, а так – где ее теперь искать? Чего ты сразу не выложила, что она знала Стася?

– А ты мне дала хоть рот раскрыть? – возмутилась я, болезненно морщась от дребезжания автобуса, отдававшегося в моей голове так, что мне казалось, будто я чувствую все неровности дороги, а их – видит бог – было немало. – Ты на меня налетела со своим жаргоном да еще бутылкой с вином перед носом размахивала. Распространяла, одним словом, аромат порока, не говоря уж про запах бензина. Тебе надо быть более сдержанной, девушку, говорят, это красит.

За время обратной дороги до нашего, а точнее, Игорева дома мне удалось внушить Марише правильный взгляд на случившееся, и, выходя из автобуса, она соглашалась со мной, что виновата исключительно сама в том, что нам не удалось побеседовать по душам с Иррой, когда такая возможность предоставлялась.

– Но кто мог знать, что эта твоя Ирка окажется такой важной особой, – посетовала вконец расстроенная Мариша, подходя к дому.

Настроение у нас так и не улучшилось, решительно сегодняшний день сделал все, чтобы вынудить нас расплачиваться за ошибки прошлого. Возле дома нас встречал Игорь, и его нельзя было, даже с натяжкой, назвать приветливым.

– Явились, – мрачно пробурчал он так, словно это вовсе и не он не показывался дома в течение двух дней, о чем мне было доподлинно известно со слов Мариши, которая две последние ночи, пока я валялась в больнице, баррикадировала мебелью двери и спала в страшной духоте при закрытых окнах, чтобы не оказаться посреди ночи наедине с Игорем, жаждущим объяснений. Но она могла бы и не дергаться, так как Игорь не появлялся.

– Я должен за вами бегать? – возмутился Игорь.

Бывают же такие люди, что всю душу из вас вынут, если у них плохое настроение. Игорь припомнил нам все наши прегрешения, не забыл ни одного пустяка, ни одной самой мелкой неприятности, которые он имел по нашей милости. Про угон своей драгоценной машины почему-то молчал, мы не сомневались, что он бережет это на десерт, поэтому обед прошел в напряженном внимании. Мы ждали возложения на наши головы венца позора и жестокого приговора, но Игорь не торопился.

– До вечера из дома не выходить, – проинструктировал он нас.

Мы взвыли в один голос. Жара, сказали мы, жуткая, а машину свою он все равно получил обратно в целостности и сохранности, так нельзя ли смягчить?

– Хорошо, – пробурчал Игорь. – Только в сад и под присмотром хозяйки.

При создавшейся ситуации это было по-божески, поэтому мы не рискнули спорить и пошли загорать под деревьями в садике. Там мы провели остаток дня, потом ужинали, потом кормили кур и смотрели, как хозяйка доит корову, потом снова ужинали. Поэтому в нашу комнату мы пришли, когда совсем уже стемнело.

– Приятно иногда разнообразия ради провести одну или две ночки мирно и в своей кровати, – выразила Мариша нашу общую мысль.

Я от души согласилась с ней и с блаженным вздохом забралась к себе под одеяло, протянула руку к тумбочке, на которой лежала моя книга, которую я уже целую неделю намеревалась прочесть, но времени все не хватало. Должно быть, с ней что-то было не в порядке, заклятие там какое-нибудь или нечто вроде того, препятствующее мне читать именно эту книгу. Потому что, стоило мне взять ее в руки, как бабочкой выпорхнул белый конверт и, кружась, опустился на пол. Томимая каким-то нехорошим чувством, я нагнулась под пристальным взглядом Мариши, подняла его, распечатала и достала из него бумажку. Она была исписана неровными строчками так, словно над ее составлением трудился сильно спешащий человек или у него не было под рукой подходящих письменных принадлежностей. Записка гласила:

«Даша, будь сегодня ближе к полуночи на городском кладбище. В милицию ни в коем случае не сообщайте. Объясню все при встрече. Это очень важно, я узнала, кто виноват в гибели Стася. Ира».

– Ну, что ты скажешь? – прервала Мариша затянувшееся молчание.

С тяжелым вздохом, и это было значительно безопаснее, чем как-то реагировать на ее вопрос, я все-таки ответила:

– Похоже, нам не удастся спокойно поспать этой ночью.

– Кто бы сомневался! – воскликнула Мариша. – Но я спрашиваю, что конкретно мы предпримем? Как тебе кажется, это письмо написала Ира? Это ее почерк? Ведь тут может быть ловушка, если написала не она.

– Откуда я могу знать, ее это почерк или нет, если ее саму я видела один раз и, сама понимаешь, никакой оживленной переписки мы не вели. И потом, ловушкой это может оказаться даже в том случае, если письмо написала она. Во-первых, ее могли вынудить написать его, а во-вторых, повторяю, я видела ее только один раз, а личная симпатия в таких делах не играет ровно никакой роли. Но я рада, что ты осознаешь опасность, возможно, это поможет тебе хоть на сей раз быть благоразумной девочкой. Надеюсь, ты не попрешься на кладбище к назначенному сроку?

Робкая надежда, прозвучавшая в моих словах, развеялась как дым при одном взгляде на пылающую опасным энтузиазмом Маришу. Мне было слишком хорошо знакомо это ее состояние, чтобы заранее не предсказать, что ничем хорошим для нас оно кончиться просто не может. Поэтому, решив предпринять все доступные мне шаги для собственного спасения, я сказала:

– Мы должны показать эту записку Никитину. Все-таки он профессионал и лучше разбирается во всяких таких делах.

– Ты что, не понимаешь, – заголосила Мариша, перекрывая надрывающихся южноамериканских страдалниц в соседней комнате, – у нас не получится по времени. Чтобы найти Никитина, втолковать ему, в чем дело, и вернуться обратно, у нас уйдет куда больше часа, а сейчас уже и так ближе к полуночи, то есть сейчас самое время отправляться на кладбище.

Я в корне была с ней не согласна. На мой взгляд, время для прогулок по кладбищу было самое неподходящее. Ладно бы еще мое родное кладбище, я имею в виду то, где покоятся мои любимые бабушки и дедушки. Тогда еще можно было бы как-то оправдать свою безумную ночную вылазку тем, что меня внезапно потянуло на их милые могилки, а так как человек я компанейский, то захватила с собой и подружку. Но шататься среди могил, в которых лежат совершенно посторонние покойники, которые вряд ли будут рады нашему визиту, просто верх неприличия. И это еще если не принимать во внимание, что на кладбище нас будет поджидать засада из невероятно расплодившихся в этих краях наркоманов, жаждущих покончить с нами раз и навсегда. Нет, ни о каких ночных визитах без санкции на то Никитина и речи быть не может.

Только я собралась довести свои соображения до слуха Мариши и даже открыла для этого рот, как обнаружилась странная вещь. Мариши в комнате не было! Мгновение назад была, а теперь пропала, растворилась, и, стало быть, свое мнение я преспокойно могла оставить при себе. Меня это почему-то не обрадовало, и я стремительно бросилась за ней следом. Догнала уже во дворе, где она стягивала с веревки белые в мелкий горошек хозяйские простыни.

– Что ты делаешь? – спросила я, будучи в полной прострации от того, что в начале двенадцатого ночи Мариша решила заняться хозяйственными хлопотами, которыми она даже в более спокойные времена безжалостно пренебрегала. – Зачем тебе эти простыни, они же не первой молодости.

– Ты что, вообразила, что я их ворую? – искренне возмутилась Мариша. – Они для маскировки.

– Белые? – в полном отчаянии простонала я. – На дворе-то ночь.

– И очень хорошо, – авторитетно заметила Мариша. – Кто, по-твоему, может бродить ночами по кладбищу?

У меня были кое-какие соображения на этот счет, но я сочла возможным придержать их при себе.

– Призраки, – конфиденциально понизив голос, сообщила Мариша.

Об этой стороне медали я как-то до сих пор не задумывалась. И теперь мне стало совсем нехорошо, а Мариша тем временем бодро стягивала с веревки не только две простыни, но и две голубенькие наволочки. Спросить, зачем ей наволочки, я не решилась, справедливо опасаясь услышать в ответ то, что мне отнюдь не понравится.

– Ну вот, – бодро проговорила Мариша, покончив с бельем, – теперь мы полностью подготовлены.

– К чему? – тоскливо спросила я, но Мариша уже выскочила на дорогу, и ответа на свой вопрос я могла ждать хоть до второго пришествия Иисуса Христа.

Мариша была так увлечена своей идеей, а я тем, чтобы не упустить ее из виду, – а то я знала, с нее стало бы и одной отправиться на встречу, а я потом оправдывайся всю оставшуюся жизнь, если бы с ней что-нибудь там случилось. В общем, мы не обратили внимания на промчавшуюся в темноте машину. А между тем она остановилась возле нашего дома, и из нее вылезли Игорь с Никитиным.

– Где девчонки? – с некоторой долей тревоги в голосе спросил Игорь у бабки Марьи.

– Где же им быть? – удивилась добрая старушка. – Дома были, а недавно выбежали на двор, наверное, в саду гуляют.

– Как же, гуляют они в саду! – завопил Игорь на перепуганную бабку Марью, которая по такому случаю даже оторвалась от светившегося южными страстями экрана телевизора. – Видели мы их, почесали по улице! – продолжал разоряться Игорь, присовокупив вдобавок: – Я глазам своим не поверил, решил, дурак, что обознался. Но ведь нет, ушли и не попрощались. Надо хоть посмотреть, может, записку оставили, куда пошли.

С этими словами он выскочил из комнаты.

– Что за девки? – недоуменно покачала головой бабка Марья, наивно полагавшая, что стала свидетельницей побега двух девчонок на свидание с кавалерами.

Игорь появился очень скоро, размахивая в воздухе Ириной запиской с прямо-таки удивительной смесью торжества и отвращения на лице, словно в руках у него было боевое знамя противника.

– Конечно, – оскорбленным тоном вещей Кассандры, которой уже надоело всем талдычить про одно и то же, сказал он, – все, как я и предполагал. Они рванули на кладбище.

Он протянул письмо Никитину, который прямо-таки впился в него глазами. А у бабки Марьи чуть не выпала вставная челюсть. Она уже приготовилась сказать о том, что в ее время девушки выбирали более приятные уголки для свиданий, но ее опередил Никитин.

– Они могут попасть в беду, – озабоченно произнес он. – Убийцы ни перед чем теперь не остановятся, им терять нечего. Если они каким-то образом пронюхают о готовящейся встрече, девчонок нам больше не видать.

– Батюшки, – ахнула бабка Марья, – а я-то думаю, чего это вокруг дома крутятся разные личности? Вроде для кавалеров таких приличных девок вид у них слишком замызганный, а это, оказывается, вот кто был.

Услышав это, Игорь взволнованно забегал кругами по комнате. Результатом его спринта стало заявление, концовка которого звучала в глубоком миноре:

– Я должен пойти за ними, а ты, Серега, беги за своими ребятами, и вы тоже подтягивайтесь на подмогу, авось успеете.

С этими словами он выскочил из дома так быстро, что не услышал вопроса Никитина, который интересовался, на какое кладбище он собирается отправиться. А если бы услышал, вопрос заставил бы его сильно призадуматься, но так как он ничего не услышал, его и беспокоило совсем другое. Из оружия у него были только стартовый пистолет да монтировка, которая валялась у него в багажнике с незапамятных времен и отчего-то сильно проржавела. С таким арсеналом идти в одиночку против озлобившихся на его подруг местных бандитов было по меньшей мере недальновидно, не говоря уж о том, что непочтительно, но Игорь даже если и подумал про это, то мимоходом. Он гнал свою «Ауди» к кладбищу, на котором уже побывал днем раньше в сопровождении очаровательной аборигенки Светы, которая с удовольствием показывала ему местные красоты, в число которых, по местным понятиям, входило и старое кладбище. О том, что он каждый день проезжает мимо еще одного скопления могильных камней – по дороге к центру, – он как-то не вспомнил.

Мы же с Маришей, напротив, каждый день по нескольку раз проходили мимо этого кладбища, оно как нельзя лучше отложилось в нашей памяти, поэтому мы отправились напрямик к нему. Моя бедная подруга еще радовалась по пути, что, мол, кладбище близко от дома, идти далеко не надо. Будет время, чтобы подготовиться к встрече. Меня от ее благоразумия прямо-таки в дрожь бросало.

Мы сошли с дороги, и буквально через секунду по ней со свистом промчалась машина.

– Почему они тут все так гоняют, жить им надоело, что ли? – недовольно пробормотала Мариша, прячась за кустом с серебрившейся в темноте листвой.

Передохнув секунду в маленьком, но густо заросшем колючками овражке, мы подкрались к темным деревьям, окружавшим кладбище, и притаились под ними, чутко прислушиваясь к ночным звукам. Все было тихо. Машин на дороге и визитеров среди могил не наблюдалось.

– Похоже, мы пришли раньше их, – прошептала я. – Но тут же мы ничего не увидим и ни с кем не встретимся, надо пробраться поближе к могилам.

Сделать это было бы нетрудно, но Мариша настаивала на маскировке, уверяя, что в случае чего это спасет нас. Пришлось заматываться в простыни и натягивать на голову наволочки, что здорово ухудшило и без того скверную видимость. Мы спотыкались на каждом шагу и производили столько шума, что, если бы в округе нашелся хоть один злоумышленник, ему не стоило бы труда незаметно подобраться к нам, так как, кроме своих шагов, мы не слышали ничего.

– Послушай, если нас позвала сюда действительно Ира, то, увидев наши наряды, она может испугаться и сбежать, а мы опять останемся с носом. Предлагаю опуститься на четвереньки, тогда она нас не увидит и соответственно не испугается, – предложила Мариша.

Мне уже было все равно, и я не стала спорить. Так с двумя голубенькими наволочками в цветочек, напыленными на головы, мы и ползали между могил до тех пор, пока в душу не закралось подозрение, что мы что-то делаем не так.

– Могилы какие-то странные, – сообщила я Марише после того, как мы сделали очередной круг по кладбищу и никого не встретили. – Ни одной с крестом, зато почти на каждой звезды. К чему бы это?

– Что ты говоришь! – завопили Мариша, совсем забыв о том, что своим криком может привлечь к нам бог весть чье внимание. – Где звезды?

– Не так уж их и мало, чтобы не заметить, – язвительно прошипела я, будучи уже не вполне в себе после долгого пребывания в непривычной позе. – Разуи глаза.

– В самом деле, – согласилась Мариша после некоторого времени, когда она сосредоточенно изучала соседние надгробия. – Знаешь, что я думаю? Я думаю...

– Что мы на еврейском кладбище, – договорила я за нее. – А значит, в городе должно быть минимум еще одно кладбище, где нам и была назначена встреча.

– Может, еще успеем? – нерешительно проговорила Мариша.

У меня были сильные сомнения насчет того, стоит ли нам успевать, но Мариша уже мчалась к дороге. Между ушедших в землю надгробий мелькало ее одеяние, и в самом деле впечатление создавалось жуткое. Наволочка развевалась вокруг ее головы, и в лунном свете создавалось полное впечатление бледного нимба вокруг волос. Я не знала точно, бывают ли у привидений нимбы, но выглядело это именно так. Я бросилась за ней, на дорогу мы вылетели практически одновременно. И надо же было такому случиться, чтобы именно в этот миг на пустынной (все то время, пока мы тихо-мирно блуждали по кладбищу) дороге появился мотоциклист.

Сквозь придорожные кусты мы продирались с таким азартом, что шума мотоцикла не услышали, а если бы и услышали, то не придали бы ему большого значения, так как я лично совершенно выбросила из головы, во что наряжена. Поэтому я в полном недоумении наблюдала, как мотоциклист вдруг пронзительно взвизгнул и вывернул руль. Машина, потеряв управление, естественно, вместе со своим ездоком полетела в придорожную канаву, откуда он выкарабкался с такой быстротой, что мы даже не успели за него толком испугаться. Ощувив под ногами твердую почву, он припустил по дороге, петляя, как заяц, и вереща так, что закладывало уши.

– Странный он какой-то, бросил прекрасный мотоцикл, – недоуменно сказала Мариша. – А что ты там с ним делаешь? – полюбопытствовала она, видя, что я спустилась в канаву.

– Помоги мне, – постанывая от натуги, попросила я. – Надо вытащить его на дорогу.

Мариша помогла мне выкатить драндулет из канавы, которая, к счастью, оказалась неглубокой, и ласково сказала:

– Молодец ты, Дашка, всегда заботишься о людях, не то что некоторые...

– О чем ты? – не поняла я.

– Ну, ты же помогаешь тому парню, который перепугался при виде нас, вытолкать его мотоцикл на дорогу, чтобы завтра ему пришлось меньше возиться, – миролюбиво пояснила Мариша.

– Да ничего подобного у меня и в мыслях не было. Если он такой идиот, что верит в привидения, то пускай ищет завтра свой мотоцикл у милиции. А сегодня он нам самим пригодится. Садись давай.

Так как времени у нас было в обрез, то снимать с себя балахоны из простыней мы не стали, ограничившись только тем, что избавились от наволочек. Мотоцикл завелся практически сразу, но педаль газа была у него такая тугая, что нам с Маришей пришлось давить на нее вместе. О том, как управлять мотоциклом, я имела самое приблизительное представление. Собственно, весь опыт общения с данным предметом технического прогресса сводился у меня к двум поездкам в обществе моего тогдашнего друга и несколькими полонками во время этих поездок. Но мой приятель обращался со своим мотоциклом так лихо, что мне казалось, у меня получится не хуже. На самом деле все оказалось не так.

Сначала все шло хорошо, ну, относительно хорошо. Во всяком случае, мы никуда не падали и сворачивали почти вовремя и почти туда, куда намеревались. Но когда мы въехали в густо населенную часть города и пришло время спросить, где у них тут самое посещаемое в ночные часы кладбище, выяснилось, что я не знаю, как тормозить. Поэтому мы продолжали мчаться все с той же скоростью мимо редких прохожих, которые, обалдев, таранились нам вслед. Получить у них ответ на интересующий нас вопрос не удавалось, потому что для этого пришлось бы задержаться, а мотоцикл делать остановку отказывался. Наконец мы очутились на базарной площади, на которой в это время суток торговли уже не было и, стало быть, имелось достаточно места для маневрирования.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.